

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

на правах рукописи

КАРТАШОВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЫНЕСЕНИЕ
ЗАВЕДОМО НЕПРАВОСУДНЫХ ПРИГОВОРА, РЕШЕНИЯ
ИЛИ ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА

Специальность 12.00.08 – уголовное право и
криминология, уголовно-исполнительное право

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук,
Заслуженный юрист РФ
А.Г. Сапрунов

Ставрополь – 2004

ПЛАН

	стр.
Введение	3
Глава I. НЕПРАВОСУДНОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ И ЗАДАЧИ УГОЛОВНОГО ПРАВА	14
§ 1. Исторический аспект развития судебной вла- сти в России	14
§ 2. Неправосудность приговора, решения и иного судебного акта как философское и уголовно- правовое понятие	33
Глава II. ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТАВА ВЫНЕСЕНИЯ ЗАВЕДОМО НЕПРАВОСУДНЫХ ПРИГОВОРА, РЕШЕНИЯ ИЛИ ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА	49
§ 1. Объект вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта	49
§ 2. Объективная сторона вынесения заведомо не- правосудных приговора, решения или иного судеб- ного акта	61
§ 3. Субъективные признаки вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного су- дебного акта	74
Глава III. ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЫНЕСЕНИЕ ЗАВЕДОМО НЕПРАВОСУДНЫХ ПРИГОВОРА, РЕШЕНИЯ ИЛИ ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА	98
§ 1. Проблема судебной ошибки	98
§ 2. Проблема судейского иммунитета	110
§ 3. Пути законодательного предупреждения пре- ступлений против правосудия	136
Заключение	159
Список источников и литературы	163

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Ст. 118 Конституции России впервые установила принцип осуществления правосудия только судом. Создание сильной и независимой судебной власти – одна из важнейших задач проводимых в России реформ.

Правосудие является наиболее надежным способом защиты прав и свобод граждан, интересов гражданского общества и государства, а также разрешения возникающих конфликтов. Право на справедливое судебное разбирательство признается за каждым человеком. Ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит: «Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Аналогичное право провозглашено в ст. 10 Всеобщей декларации прав человека, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Конституция РФ провозглашает основополагающий принцип функционирования судебной власти – принцип независимости судей, заключающийся в подчинении их только Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству (ст. 120).

Судья является лицом, принимающим юридически значимые решения от лица государства именно в силу своего особого статуса, в силу особой юридической силы судебного акта, способного по существу изменить или отменить решение любого государственного органа или должностного лица. В настоящее

время действуют множество законов, определяющих статус и полномочия судей: «О судебной системе Российской Федерации»,¹ «О Конституционном Суде Российской Федерации»,² «О военных судах Российской Федерации»,³ «О статусе судей в Российской Федерации»⁴, «О мировых судьях в Российской Федерации».⁵ Особое место в этом ряду занимает новое уголовно-процессуальное и гражданско-процессуальное законодательство.

Тенденции последних лет очевидно показывают, что государство встало на путь расширения полномочий судей при принятии ими процессуальных решений. Вместе с тем, в официальных государственных средствах массовой информации, научной и публицистической литературе нередко высказывается мнение о завышенных гарантиях отправления правосудия, о несовершенстве механизмов привлечения судьи к уголовной ответственности. Нередко в средствах массовой информации появляются сообщения о коррумпированных судьях, обслуживающих вовсе не интересы правосудия, а интересы отдельных лиц и корпораций, а зачастую – только свои собственные интересы.

Стремление создать независимую судебную власть требует переосмысления оснований и пределов уголовно-правовых пределов защиты самих интересов правосудия. Пришло время выработать единую концепцию преступлений против правосудия, учитывающую научные наработки в данной сфере и практические

¹ Собрание Законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1. Далее – ФКЗ РФ «О судебной системе».

² Собрание Законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447 (в действ. ред.) Далее – ФКЗ РФ «О Конституционном Суде».

³ Собрание Законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3170.

⁴ Собрание Законодательства РФ. – 1995. – № 26. – Ст. 2399 (в действ. ред.) Далее – ФЗ РФ «О статусе судей».

⁵ Собрание Законодательства РФ. – 1998. – № 51. – Ст. 6270. Далее – ФЗ РФ «О мировых судьях».

задачи и потребности государства и общества, заинтересованных в ~~стнановлении~~становлении новой судебной власти.

В УК РФ 1996 года сформулирована система преступлений против интересов правосудия, в которой имеется состав вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305). Казалось бы, уголовное законодательство предусмотрело меры воздействия на судей, не выполняющих своих обязанностей по законному и беспристрастному отправлению правосудия. Однако реальная практика применения данной нормы практически отсутствует. Причин тому немало: высокая латентность подобного рода преступлений; наличие у судьи уголовно-правового иммунитета, сводящего «на нет» возможность наступления уголовной ответственности даже в случае явных злоупотреблений и т.п. Но основной причиной такого положения вещей является то, что в теории и практике не выработано научно обоснованных критериев квалификации содеянного по ст. 305 УК РФ.

Не смотря на возросший в последнее время интерес к проблеме теоретического понимания и практического применения норм о преступлениях против правосудия,⁶ в настоящий момент в теории уголовного права отсутствует монографическое исследование состава вынесения заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта.

В силу всех высказанных соображений избранная для диссертационного исследования тема представляется весьма актуальной и необходимой в настоящее время.

Целями настоящего исследования являются комплексное

⁶ Среди работ последнего времени надо особо выделить: Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности. Автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2000.

изучение состава вынесения заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта как самостоятельного преступления против интересов правосудия, теоретическая оценка эффективности существующих правовых механизмов привлечения судьи к уголовной ответственности за вынесение заведомо неправосудного приговора или иного судебного акта.

В соответствии с данными целями решены следующие **задачи исследования:**

1. Анализ исторической эволюции уголовной ответственности за вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта в отечественном законодательстве.
2. Исследование современного состояния теоретического понимания и практического применения нормы о вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта в социально правовых аспектах судебной реформы.
3. Теоретический анализ уголовно-правовых признаков вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.
4. Отграничение вынесения заведомо неправосудных приговора или иного судебного акта от судебной ошибки.
5. Разработка предложений по совершенствованию Уголовного Закона в плане повышения эффективности охраны интересов правосудия от преступных посягательств лиц, выносящих заведомо неправосудные приговоры, решения или иные судебные акты.

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения и интересы, возникающие вследствие вынесения заведомо неправосудных приговоров, решений или иных судебных

ных актов.

Предметом исследования стали объективные и субъективные признаки преступления, предусмотренного статьей 305 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Методология и методика диссертационного исследования.

Настоящее исследование базируется на универсальном диалектическом методе. Вместе с тем, в работе применены формально-логический, сравнительно-правовой, историко-правовой методы, а также метод социологического исследования (анкетирование).

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, уголовное, уголовно-процессуальное и гражданско-процессуальное законодательство Российской Федерации, иные законы (в частности, федеральные законы «О судебной системе Российской Федерации», «О Конституционном Суде Российской Федерации», «О военных судах Российской Федерации», «О статусе судей в Российской Федерации», «О мировых судьях в Российской Федерации» и др.) и подзаконные акты, а также постановления Конституционного Суда РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, определения Судебных коллегий Верховного Суда РФ. В соответствии с целью и задачами диссертационного исследования в работе использовались исторические памятники российского права досоветского и советского периодов.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили материалы опубликованной судебной практики Верховного Суда СССР и Верховного Суда РФ по отдельным делам, статистические данные, результаты выборочного исследования уголовных дел по заведомо неправосудным приговорам, рассмотренных в период с 1995 года по 2002 год.

В работе использованы результаты обобщения практики Ставропольского краевого суда, касающейся существа проблемы.

В силу недостаточности практического материала, малого срока действия нового УК РФ 1996 года, существенных коллизий при квалификации вынесения заведомо неправосудного приговора или иного судебного акта, с целью повышения репрезентативности исследования и научной обоснованности выводов, в процессе работы над темой использовались материалы аналогичных уголовных дел, рассмотренных судами в период действия УК РСФСР 1960 года (ст. 177).

Проведен социологический опрос (анкетирование) 100 работников органов предварительного следствия, дознания, прокуратуры, судов и адвокатуры.

Теоретическая база исследования. При написании диссертации использовались научные достижения в области уголовного права, уголовно-процессуального права, гражданско-процессуального права, общей теории права, социологии права, криминологии.

При этом необходимо выделить труды таких специалистов, как М.И. Бажанов, А.Д. Бойков, И.А. Бушуев, И.С. Власов, Л.Д. Гаухман, М.Н. Голоднюк, П.И. Гришаев, В.Г. Даев, В.Г. Заблоцкий, Б.В. Здравомыслов, М.М. Исаев, С.Г. Келина, М.И. Ковалев, Н.И. Коржанский, Г.А. Кригер, Г.Г. Кривопапов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Л.В. Лобанова, А.В. Наумов, Б.С. Никифоров, А.А.Пионтковский, И.Л. Петрухин, С.В. Познышев, Б.Т. Разгильдиев, А.И. Рарог, Г.М. Резник, Ш.С. Рашковская, П.С. Ромашкин, А.Б. Сахаров, В.Г. Смирнов, М.С. Строгович, Н.С. Таганцев, А.Н. Трайнин, Ю.М. Ткачевский, М.И. Тяжкова, М.Х. Хабибуллин, М.А. Чельцов-Бебутов,

В.М. Чхиквадзе.

Новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые на монографическом уровне проведены теоретическое исследование состава вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, а также проанализировано решение вопросов квалификации этого преступления применительно к положениям Уголовного кодекса РФ 1996 года.

Особое внимание уделено проблемам квалификации содеянного по ст. 305 УК РФ, связанным с возможностью допущения судебной ошибки, а также с наличием у судей материального уголовно-правового иммунитета и связанных с ним процессуальных препятствий привлечения к уголовной ответственности.

Разработка данной темы осуществлена путем анализа сущностного характера состава вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта как преступления против интересов правосудия, совершаемого судьями – лицами, отправляющими правосудие.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Установление уголовной ответственности за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта является одним из важных правовых средств развития отечественной судебной системы и независимой судебной власти в целом.

2. Обосновано юридическое понимание неправосудности приговора, решения или иного судебного акта как несоответствия судебного акта (в любой его части) фактическим обстоятельствам юридического конфликта, подлежащего судебному разрешению, и выраженного в неправильном применении норм материального и (или) процессуального права.

3. В работе сделан вывод о необходимости признания в качестве дополнительного непосредственного объекта исследуемого преступления интересов соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых интересов юридических лиц, общества и государства. На основе понимания интересов правосудия как основного непосредственного объекта, необходимо расценивать ст. 305 УК РФ как специальную норму по отношению к составу превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

4. В зависимости от вида судопроизводства и на основании действующего законодательства, в диссертации определен перечень судебных актов, заведомо неправосудное вынесение которых образует деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 305 УК РФ.

5. Обоснован вывод о том, что основной состав исследуемого преступления (ч. 1 ст. 305 УК РФ) носит формальный характер: действие в виде вынесения судьей (судьями) заведомо неправосудного судебного акта должно считаться окончанным в момент подписания такого акта лично судьей (при рассмотрении дела единолично) либо всеми судьями (при вынесении коллегиального решения).

6. Квалифицированный состав изучаемого преступления (ч. 2 ст. 305 УК РФ), имеет формально-материальный характер: уголовную ответственность отягчает деяние в виде сопряженности приговора с назначением наказания в виде лишения свободы, либо наступление иных тяжких последствий (носящих оценочный характер).

7. В работе предложено законодательно однозначно распространить юридическую возможность вменения ч. 2 ст. 305 УК РФ по признаку наступления тяжких последствий при осуще-

ствлении правосудия по гражданским, арбитражным, административным делам, а также при осуществлении конституционного правосудия. Сформулирована предлагаемая редакция ч. 2 ст. 305 УК РФ.

8. Определен круг субъектов, подлежащих ответственности по ст. 305 УК РФ. В частности, предложено считать субъектом этого преступления не только судью в собственном смысле этого слова, но и лицо, исполняющее обязанности судьи. С другой стороны, доказывается невозможность уголовной ответственности за данное преступление лиц, не являющихся судьями, но участвующих в отправлении правосудия.

9. В диссертации проанализированы виды судебных ошибок, допускаемых при принятии решений. В результате сделан вывод о том, что любая судебная ошибка исключает признак заведомости при вынесении неправосудного судебного решения, а, следовательно, и возможность наступления уголовной ответственности по ст. 305 УК РФ.

10. Обоснована позиция о том, что наличие у судьи уголовно-правового иммунитета не декриминализует совершенное им вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. При этом наступление уголовной ответственности судьи за совершенное преступление возможно, при истекшем сроке давности, в следующих случаях: а) при преодолении иммунитета в порядке, установленном федеральным законодательством; б) при аннулировании судейского статуса лица.

11. На основании положения о материальном (уголовно-правовом) иммунитете судей изучены процессуальные проблемы привлечения судей к уголовной ответственности и предложены варианты их решения.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его положений и выводов в законодательной и правоприменительной деятельности, а содержащиеся в нем рекомендации направлены на совершенствование уголовно-правовых мер защиты авторитета суда.

Выводы и предложения, сформулированные в диссертационном исследовании, могут быть использованы в учебном процессе при преподавании соответствующих тем курса Особенной части уголовного права, а также при проведении научных исследований в области изучения преступлений против интересов правосудия.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Основные теоретические выводы, практические предложения и рекомендации, содержащиеся в работе, были изложены в опубликованных научных статьях, докладывались на межвузовских и межрегиональных научно-практических конференциях, прошедших в гг. Ставрополе, Кисловодске, Ростове-на-Дону, Краснодаре.

Результаты работы внедрены в учебный процесс юридического факультета Ставропольского государственного университета (при преподавании Особенной части уголовного права; тема «Преступления против правосудия»), а также в практическую деятельность Ставропольского краевого суда.

Структура работы определена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав (восьми параграфов) и заключения.

В первой главе исследованы исторический аспект развития судебной власти в России, а также философское и юридическое значение понятия «неправосудности» судебного акта.

Вторая глава содержит анализ объективных и субъективных признаков состава вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта по действующему УК России.

Третья глава посвящена изучению проблем квалификации содеянного по ст. 305 УК РФ, связанных с возможностью судебной ошибки и наличием судейского иммунитета. Здесь же изучен вопрос о путях законодательного предупреждения преступлений против правосудия.

В заключение приводятся основные выводы и результаты исследования.

Завершает работу список использованных источников и литературы. Диссертация оформлена в соответствии с требованиями ВАК России.

Глава I. НЕПРАВОСУДНОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ И ЗАДАЧИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

§ 1. Исторический аспект развития судебной власти в России

Человечество на всех этапах своего развития не могло обойтись без суда – учреждения по разрешению споров между людьми – и понуждению их к отказу от таких форм поведения, которые представляли угрозу общим интересам. Рассудить спорящих, осудить нарушения, покарать преступника – таково назначение социальной функции правосудия.

Сферу судопроизводства Ш. Монтескье считал «важнее для человечества всего прочего в мире».⁷ Значение функций правосудия всегда было чрезвычайно велико. Его отправление поддерживало престиж социальных норм – традиций, обычаев, морали, права, вносило элемент упорядоченности в стихийно складывающиеся общественные отношения, утверждало справедливость, правопорядок.

Суд – это наиболее надежная защита человека от посягательств на его жизнь, собственность, здоровье, честь. А.Ф. Кони, выдающийся русский юрист и общественный деятель, писал: «судья призван прилагать все силы ума и совести, знания и опыта, чтобы постигнуть житейскую и юридическую правду дела. Облекая эту правду в определенные формы, он должен способствовать в каждом отдельном случае восстановлению поколебленного правопорядка»⁸.

Характеризуя правила судопроизводства, Кони отдавал

⁷ Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955. – С.318.

⁸ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения. – М., 1956. – С.20.

приоритет не им, а судье, их применяющему, утверждая: «чем глубже касаются они личности и участи человека, чем более важным интересам общественной жизни они служат, тем серьезнее представляется вопрос – в чьи руки отдается приложение этих правил и при каких условиях»⁹.

К этим двум вопросам необходимо добавить еще несколько, из них вытекающих и являющихся важнейшими: что призван защищать суд, какие задачи перед ним стоят, заинтересован ли он в установлении истины?

С точки зрения здравого смысла судебное познание имеет целью установление подлинных отношений участников конфликта (гражданско-правового спора, преступления, проступка), их адекватную юридическую оценку и формулирование обязывающего вывода, связанного, как правило, с понуждением сторон к совершению определенных действий или возложению на виновного бремени ответственности за общественно опасное деяние, либо правонарушение.

Правосудие, призвано вносить упорядоченность в общественные отношения, карать зло и активно поддерживать добрые нравы. Однако оно далеко не всегда лучшим образом выполняло это свое предназначение, – оно подвержено тем же болезням, что и общество в целом, и развивалось по общим с ним законам.

«Борьба групповых и индивидуальных интересов, усугубляемая аморальностью и невежеством, делают линию поступательного движения цивилизации зигзагообразной, с крутыми изломами, разрывами, движением вспять. Периоды расцвета культуры сменяются варварством, активная социальная деятельность – застоєм, созидательный труд – разрушением. Бла-

⁹ Там же.

гоговейное отношение к социальным нормам – обычаям, морали, праву – сменяется воинственным отрицанием их ценности, нигилизмом, повергающим общество в хаос войны всех против всех»¹⁰.

С античных времен известен факт, что деградация судебной власти ведет к деградации всего общества. Приведем пример из истории Древней Греции.

Гелиэя – судебное учреждение Афин периода расцвета греческой демократии (V–IV в. до н.э.) – была приспособлена для поисков справедливости и защиты граждан. Это был суд, осуществлявший свою деятельность, аналогично современному суду присяжных, осуществлявший надзор за изданием законов Народным собранием, за правильностью избрания должностных лиц. Он также являлся высшей судебной инстанцией по рассмотрению злоупотреблений должностных лиц республики. Важнейшей функцией Гелиэи было отправление правосудия по уголовным делам. Судьи (гелиасты) избирались по жребию архонтом из числа свободных граждан и приводились к присяге, торжественно обещая судить согласно законам и постановлениям афинского народа, а также согласно своей совести, с одинаковым чувством благосклонности выслушивать истца и ответчика: «Если я сдержу свое слово, да будет мне благо, если я нарушу его, да погибну со всем моим родом»¹¹.

Благоприятные условия для отправления правосудия в строгом соответствии с содержанием присяги создавали – многочисленность состава суда (от 200 до 2000 гелиастов), широкое применение метода жеребьевки при формировании его от-

¹⁰ Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. – М., 1997. – С.25.

¹¹ Цит. по: Чельцов–Бebutov М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Т.1. – М., 1957. – С. 97.

делений для рассмотрения каждого дела (это исключало воздействие на судей заинтересованных лиц и предварительный стговор судей), тайное голосование при вынесении приговора.

Но Гелиэя не пережила Афинскую республику. Как полагают историки, ее упадок был связан с обострением социальных антагонизмов и падением нравов. Сначала тлен поразили обвинителей, каковым мог быть любой гражданин, возбуждающий дело в суде. Они стали извлекать доход, шантажируя намеченную жертву, превращаясь в своеобразный класс ябедников-сикофантов. Затем и гелиасты научились брать взятки, оправдывая виновных.

Традиционно советские историки права выделяли типы суда и уголовного судопроизводства соответственно социально-экономическими формациям – рабовладельческий, феодальный, буржуазный, социалистический.¹² Этим подчеркивалась мысль о том, какому классу служит суд, на защиту каких ценностей он ориентирован, какие интересы накладывают отпечаток на цели судебного познания. При этом не столь существенна сама процессуальная форма, которая может быть обвинительной (состязательной), как в древних Афинах и Риме, а затем во многих буржуазных государствах, или розыскной (инквизиционной) как в большинстве средневековых феодальных государств, или смешанной, соединяющей черты розыска и состязательности, свойственной европейским государствам, включая Россию.

Политическая ангажированность суда – явление несомненное: его можно проследить от суда над Иисусом Христом, до суда над инакомыслящими в США и в СССР.

Обратимся к основным вехам развития российской судеб-

¹² *Нажимов В.П.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. – М., 1989. – С.352–369.

ной системы.

Знаменитый памятник Киевской Руси «Русская правда» (XI век) представлял собой княжеский судебник и очень четко разделял людей по сословиям. Это не только выражалось в дифференцированном подходе к оценке жизни потерпевшего в зависимости от его принадлежности к той или иной социальной группе, но и сказывалось на результатах доказывания: спор сторон перед князем (судьями) обеспечивал победу тому, кто мог заручиться свидетелями (видоками и послухами). Правым считался и победитель в поединке истца и ответчика. В делах же, затрагивавших интересы власти, использовались и более активные формы судопроизводства в виде розыска.¹³

Уже во времена царя Алексея Михайловича государственная система с громоздкой Боярской думой, рыхлым аппаратом воевод и приказов, не отвечала требованиям времени. Возникла проблема укрепления государственного строя путем преобразования центрального и местного аппарата, армии и флота, судебной системы. Превращение главы государства из самодержавного царя в императора (1721 г.) способствовало сосредоточению всех видов государственной власти в одних руках. Просвещенный абсолютизм Петра I сочетался и с усилением государственного карательного аппарата. Полицейская регламентация пронизывала все стороны деятельности бюрократического аппарата. «Генеральный регламент» от 28 февраля 1720 г. установил порядок деятельности и делопроизводства всех государственных учреждений России.

Реформации подлежала и судебная система. «При Петре I была предпринята первая попытка отделить суд от администрации. Судебные порядки Русского государства в XV–XVII вв. с

¹³ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. – М., 1957. – С.628–644.

самостоятельностью и даже бесконтрольностью судей, процессуальной неоднородностью их деятельности не соответствовали сути и задачам абсолютной монархии. Розыск был заменен следственным, или инквизиционным, процессом. Основы этого судебного процесса были закреплены во второй части Воинского Устава 1716 года».¹⁴

Основную часть Петровской судебной системы составляли государственные суды, возглавляемые Юстиц-коллегией. Она была судебным и административным органом. К ней перешли дела ряда старых приказов (Поместного, Сысского, Земского). Коллегия являлась для местных судов апелляционной инстанцией по уголовным и гражданским делам. В ведении коллегии находились следственные, розыскные дела, сведения о заключенных в тюрьмах существовавшей при коллегии в 1719-1740 гг. Крепостной конторе оформлялись различные крепостные акты на землю и крестьян, купчие, доверенности, духовные завещания.

Юстиц-коллегии был подчинен Поместный приказ, составивший в коллегии Вотчинную канцелярию. В 1721 году она была преобразована самостоятельную Вотчинную коллегию, которая разбирала земельные тяжбы, иски и споры дворян, оформляла новые земельные пожалования, т.е. являлась судебным сословным органом по дворянским делам.

«Как и в других коллегиях, штат Юстиц-коллегии первоначально был невелик. В Указе от 11 декабря 1717 г., который устанавливал общий штат для каждой коллегии, для Юстиц-коллегии он был определен двадцать человек, а именно: президент, вице - президент, четыре советника, четыре ассессора, секретарь, нотариус, актуарий, регистратор, переводчик, подьячие трех статей, иноземцы. Иноземцы назначались в кол-

¹⁴ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. - М., 1983. - С. 94.

легию для обучения иноземному порядку ведения де По Указу от 16 мая 1722 г. президенты всех коллегий должны были обязательно присутствовать на заседаниях Сената».¹⁵

Бурмистерская Палата была учреждена Указом от 30 января 1699 г. «для ведомства всяких расправных дел между гостями и посадскими людьми и для управления казенными сборами и городскими повинностями».¹⁶ Она не была подчинена ни одному из приказов и занимала главное место в приказной системе Российского государства (с 1700 года она получила название Ратуша). Президент и члены (бурмистры) этого нового центрального органа управления и суда избирались купцами; в других городах, кроме Москвы, были созданы подчиненные московской Ратуше выборные бурмистерские (земские) избы. Сюда поступали все собранные по городам деньги. Таким образом, они выполняли и финансовые функции. Как высшее центральное учреждение этой системы московская Ратуша входила с докладом прямо к царю и стала своего рода министерством городов и городских сборов, наделенным к тому же судебными функциями. Правительство мотивировало создание этого органа полицейско-судебного управления прежде всего желанием улучшить деятельность торгово-промышленного населения и обеспечить более исправное поступление прямых налогов и косвенных сборов (таможенных, кабацких и т.п.) с городского населения.

В связи с губернской реформой при Петре I была предпринята попытка реорганизовать судебные органы и отделить суд от администрации. Судебная система тогда уже представляла собой определенную структуру. Высшей надзорной и апел-

¹⁵ *Беляев И.Д.* История русского законодательства. – СПб., 1999. – С. 539.

¹⁶ Там же. – С. 535.

ляционной инстанцией являлся Сенат, он же мог рассматривать наиболее важные, государственные дела по первой инстанции. Ему подчинялась Юстиц-коллегия, своего рода министерство юстиции. В провинциях создавался апелляционный надворный суд и коллегиальный суд первой инстанции – земский суд, в дистриктах (самых мелких административно-территориальных единицах) правосудие осуществляли тоже земские суды. Однако упомянутая система судостроительства рассматривала только общеуголовные дела.

Рассмотрение политических дел проходило в Преображенском приказе и Тайной канцелярии, земельные тяжбы подлежали суду Вотчинной коллегии. Отдельный порядок существовал и для рассмотрения дел духовных и преступлений, совершенных священнослужителями.

Созданные в 1719 году надворные и нижние суды были непосредственно подчинены Юстиц-коллегии. Надворные суды состояли из президента, вице-президента, нескольких ассессоров и должны были утверждаться в каждой губернии. Ведению надворных судов подлежали уголовные и гражданские дела.

Нижние суды были коллегиальными органами, состоявшими из председателя, обер-ландрихтера, ассессоров, и действовали в девяти главных городах страны. Кроме этого, в других городах России тоже были созданы нижние суды, но правосудие в них судья осуществлял единолично.

В начале XVIII в. учрежден Духовный суд, первой инстанцией которого являлись «духовных дел управители». В компетенцию этой первой инстанции Духовного суда входили те дела мирян, которые должны были подлежать церковному суду, а также дела духовенства по обвинению в оскорблении словом и действием, в кражах и других делах. Самой высшей инстан-

цией для духовных судов был Синод.

При Петре I был организован и военный суд, который состоял из двух инстанций. Низшей инстанцией являлся полковой кригсрехт, включавший председателя (презуса), ассессоров, аудитора (он должен был наблюдать за правильным применением законов) и секретаря. Апелляционной инстанцией для полковых кригсрехтов выступал Генеральный кригсрехт, который являлся одновременно судом первой инстанции по государственным преступлениям, по преступлениям целых войсковых частей, по преступлениям высших военных чинов и по преступлениям, направленным против этих чинов.

Высшей судебной инстанцией был Сенат, решения которого являлись окончательными.

Трансформация судебных органов преследовала задачу отделения суда от администрации. Тем не менее в полной мере этого не произошло – административные органы продолжали наблюдать за юрисдикцией по некоторым делам и осуществлять надзор за судебными учреждениями. Например, магистраты осуществляли контроль по уголовным и гражданским делам горожан. Суд по политическим делам принадлежал Преображенскому приказу – административному органу, суд по земельным спорам – Вотчинной коллегии и т.д.

Надзор за вынесением и исполнением судебных решений принадлежал губернаторам и воеводам, т.е. также административным органам (лицам), которые обязаны были принимать меры против волокиты и злоупотреблений. В случае несогласия с приговором или решением суда они писали особое мнение, с которым суд должен был считаться.

Говоря об историческом аспекте формирования института судебной власти в России XVII-XIX вв., надо отметить сле-

дующее. Значительное влияние на развитие судебной системы России оказали правовые принципы государств Европы.

Попытки полностью отделить судебные органы от административных, предпринятые в период абсолютизма, не увенчались успехом. Вместе с тем процесс многоэтапного прохождения дела благодаря новым инстанциям способствовал уменьшению вероятности совершения судебной ошибки и более всестороннему исследованию обстоятельств дела.

В качестве безусловного достижения, влияющего на создание устойчивой судебной системы, явилось формирование судов специальной юрисдикции: военных, вотчинных, духовных.

После Октябрьской революции новый суд в России создавался вместе с невиданным в истории государством и правом нового типа, призванным воплотить пролетарское понимание справедливости. Идеи о надклассовой и надгосударственной роли суда были отвергнуты как «буржуазные и фарисейские».

Вполне заслуженно идеологом советского суда и законности считается В.И. Ленин. Он уделял особо пристальное внимание революционным преобразованиям в сфере права и правосудия. Суд ориентировался им на защиту «публично-правового» интереса, под которым понимались интересы государства. Личность отступала на задний план, о ее правах и интересах речь не шла вообще, а чтобы сомнений не оставалось, В.И. Ленин потребовал «шельмовать и выгонять тех членов ревтрибуналов и нарсудей, кои не учатся этому и не хотят понять этого».¹⁷

Так формировалось «революционное правосознание» судей из рабочих, солдат и крестьян, так понималась судебская не-

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. – С.398.

зависимость. Впрочем, большевикам не надо было прилагать больших усилий для формирования судей с новым, революционным мышлением. Оно уже было сформировано к тому времени и отождествлялось с ненавистью к «буржуям» – т.е. любым состоятельным или хотя бы просто интеллигентным людям.

«Новый суд нужен прежде всего для борьбы против эксплуататоров... Но кроме того, на суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая, еще более важная задача. Это задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся... Без принуждения такая задача совершенно невыполнима... Органом пролетарского государства, осуществляющим такое принуждение, должны быть советские суды»¹⁸. И, наконец, общеизвестное резюме: «Роль суда: устрашение и воспитание»¹⁹.

Репрессивная функция советского суда прочно занимает первое место: борьба против эксплуататоров и воспитание трудящихся в духе «дисциплины и самодисциплины» через судебное принуждение. Будучи революционным фанатиком, В.И. Ленин требовал от «трудящихся масс» того же, т.е. беспрекословного подчинения революционной идее, казарменной дисциплине.

Правозащитная функция суда не упоминается – для нее попросту нет места. Можно, конечно, оправдать эти суждения условиями обострения классовой борьбы, свойственными тому времени. Все эти указания и установки рождавшейся бюрократической системой были приняты охотно как «ленинские идеи о суде и правосудии». Суд на протяжении многих лет воспринимался не иначе, как орган репрессивный, как звено

¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. – С.163.

¹⁹ Там же. – С.549.

государственного аппарата, приспособленного прежде всего к подавлению.

Для проведения такой политики нужны были и новое право и новый суд. В январе 1918 года на III Всероссийском съезде Советов В.И. Ленин говорил с торжеством победителя: «Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессий, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей, из суда как орудия эксплуатации, сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества».²⁰ И еще: «Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении государством».²¹

Революция в России не только вполне планомерно уничтожала интеллектуальный слой общества, она уничтожала под диктовку ее руководителей право и правовые традиции, заменяя их «классовым правосознанием», она уничтожала профессиональный корпус государственных чиновников и судей, заменяя их «кухарками» и «кухаркиными детьми».

В конце 20-х – начале 30-х годов XX в. суд был оттеснен органами ВЧК, ГПУ, НКВД, госбезопасности. В годы массовых репрессий и борьбы с «врагами народа» суд не менее надежно будет проводить политику большевиков, чем пресловутые тройки НКВД. Функция суда на протяжении всей истории Советской власти остается преимущественно репрессивной, его цель – борьба за защиту «революционных завоеваний», его методы искания истины – более чем сомнительны, особенно в тех случаях, когда правосудие переплетается с политикой.

Необходимость судебно-правовой реформы была осознана

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. – С. 270.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. – С. 53.

уже в начале перестройки, когда КПСС еще оставалась единственной «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций» (ст. 6 Конституции СССР 1977 года), объединяющей по сути в своих руках власти законодательную, исполнительную и судебную.

В резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС (июнь 1988 г.) отмечалось: «Вместе с реформой судебной системы и других институтов, обеспечивающих правовое регулирование взаимоотношений между государством и гражданами, охрану политических, экономических, социальных и личных прав общества, это направлено в конечном счете на завершение создания социалистического правового государства, в котором высшим принципом будет безусловное подчинение всего и всех закону»²².

Это положение ценно признанием того, что права граждан обеспечены не в полной мере (до этого официальная пропаганда исходила из тезиса о том, что социалистическая демократия, как демократия высшего типа, отличается от буржуазной демократии тем, что все права и свободы граждан СССР, провозглашенные Конституцией, надежно гарантированы). В той же резолюции определено, что необходимо «радикально пересмотреть уголовное, административное, процессуальное и исполнительно-трудовое законодательство. Первостепенное внимание необходимо уделить правовой защите личности, упрочить гарантии осуществления политических, экономических прав и свобод советских людей»²³.

Далее в резолюции предлагалось повысить роль суда в

²² Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС // Коммунист. - 1988. № 10. - С. 65.

²³ Там же. - С. 86.

системе социалистической демократии путем укрепления его авторитета и независимости, обеспечения гарантии состязательности и гласности, соблюдения презумпции невиновности, недопустимости обвинительного уклона; укрепить независимость прокуроров, расширить участие защитников в предварительном следствии и в судопроизводстве, пойти на увеличение числа народных заседателей – при рассмотрении в суде наиболее сложных дел.

Анализируя советский период в развитии правосудия, который дал потрясающие примеры произвола, прежде всего по политическим мотивам, хотелось бы отметить, что большевистская идеология и пролетарское правосознание сделали суд орудием подавления, равно опасным как для «чужих», так и для «своих»: вряд ли кто то теперь решится утверждать, что суд советского «общенародного» государства защищал интересы народа. Наибольшая тенденциозность суда проявлялась при рассмотрении дел, имеющих политическую окраску. В СССР это особенно ярко проявилось в годы сталинских репрессий под предлогом борьбы с «врагами народа», а позже – с так называемыми антисоветчиками, инакомыслящими, диссидентами.

Судебная реформа началась в России фактически с крушением коммунизма. Надо указать, что уже в Концепции судебной реформы 1991 года в числе ее задач указывались:

а) утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной;

б) защита и неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека, конституционных прав граждан в судопроиз-

водстве;

в) закрепление в нормах уголовного и гражданского процесса, в соответствующих законодательных актах демократических принципов организации и деятельности правоохранительных органов;

г) достижение уровня материально-технического обеспечения судов, органов юстиции, прокуратуры, внутренних дел, следственных подразделений.²⁴

Эти задачи остаются не менее актуальными и в настоящее время.

Основные положения Концепции, такие, как самостоятельность судебной власти, независимость, несменяемость, неприкосновенность судей, закреплены в Конституции 1993 года и стали конституционными основами правосудия. В соответствии с Концепцией приняты федеральные конституционные законы «О судебной системе Российской Федерации», «О Конституционном Суде Российской Федерации», «Об арбитражных судах Российской Федерации» и другие, реализована идея Концепции о создании конституционного правосудия, о существовании наряду с судами общей юрисдикции специализированных судов, в том числе арбитражных, о создании суда присяжных, мировой юстиции и т.д.

Реализованы многие идеи Концепции в области процессуального законодательства. Так, современное уголовное судопроизводство строится на началах состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности подсудимого. В системе арбитражных судов, судов общей юрисдикции функционирует апелляционный и кассационный порядок обжалования и пересмотра судебных решений.

²⁴ Яковлев В.Ф. На очереди – обеспечение доступности и повышение качества правосудия // Российская юстиция. – 2001. – № 11.

Однако, не следует забывать о многих нерешенных проблемах, которые не только тормозят судебную реформу, но делают позитивное движение вперед, практически невозможным.

Главным препятствием при решении задачи доступности правосудия является невероятная перегрузка судов и судей количеством дел. В связи с этим, к сожалению необходимо констатировать, что качество рассмотрения дел подчас оставляет желать лучшего.

Следуя главной цели нашего исследования, нельзя не отметить, что судьи, совершающие преступление, предусмотренное ст. 305 УК Российской Федерации (вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта), оправдывают свои деяния большой загруженностью.

Качественный уровень правосудия в решающей степени зависит от кадрового состава судей, их профессиональной подготовки, добросовестности и ответственности. Вместе с тем кадровые вопросы, пока не рассматривались в числе приоритетных задач судебной реформы и остались без должного внимания.

Если судебная реформа проводится во имя ограждения правосудия от бюрократического произвола государственной машины, если в центре реформы идея защиты прав человека и торжества справедливости, то наращивание гарантий прав участников процесса – одно из главных ее направлений. В пору судебно-правовых реформ проблема гарантий приобретает исключительную остроту.

Конституционные принципы правосудия, такие, как презумпция невиновности (ст. 49), судебной защиты прав и свобод граждан (ст. 46), свидетельского иммунитета (ст. 51) и др., как правило, обеспечены действующим процессуальным за-

конодательством и речь может идти только о его совершенствовании. А такие нормы, как недопустимость повторного осуждения за одно и то же преступление (ст. 50) или освобождение обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность (ст. 49, ч. 2), кажется, не нуждаются ни в комментариях, ни в поиске особых условий их реализации, – они могут действовать прямо и непосредственно. Еще в 1995 году Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», разъясняя положения ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, вынужден был использовать именно такого рода дифференцированный подход к конституционным положениям. «Судам при рассмотрении дел, надлежит применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия во всех необходимых случаях, в том числе когда нормой Конституции полно регламентированы закреплённые в ней положения, которые, исходя из смысла этой нормы, не требуют дополнительной регламентации...»²⁵.

Несмотря на наличие многих декларативных положений, несомненным достоинством Конституции РФ 1993 г. является детальная проработка раздела о правах и свободах человека и гражданина с учетом соответствующих международных пактов, принятых в разное время международными организациями. Предусмотрены и правовые средства их защиты, многие из которых могут рассматриваться как процессуальные гарантии прав участников уголовного судопроизводства.

Судебная реформа начиналась с создания системы правовых и социальных гарантий независимости суда. И в этом

²⁵ Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995 года «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

направлении многое сделано.

Независимость судей, пожалуй, одно из важнейших условий подлинного правосудия. Без него не может быть ни всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, ни справедливого решения. Да и сама цель познания – установление истины – едва ли возможна как ориентир деятельности профессиональных участников процесса без подлинной независимости судей. Она неизбежно уступает место другим целям, далеким от имманентных задач судопроизводства.

Демократизация правосудия, формирование судебной власти, ориентированной на правозащитную функцию, имеющую первостепенное значение для гражданского общества и рядовых его членов, должна начинаться с создания объективных правовых, социально-экономических, политических, организационных предпосылок судебской независимости. И, разумеется, внутренних субъективных предпосылок – высокого профессионализма и нравственно-психологических качеств судьи, повышающих его иммунитет к внешним давлениям и соблазнам. Отечественная юридическая наука немало сделала, чтобы подготовить законодателя к усвоению этих простых истин.²⁶

Начавшаяся в России судебная реформа потребовала укрепления уголовно-правовых гарантий независимости судебной власти в процессе осуществления правосудия. Это нашло отражение и в совершенствовании системы составов преступлений против правосудия.

Одно из главных направлений судебной реформы на современном этапе – это утверждение и последовательное осуще-

²⁶ См., например: Настольная книга судьи. – М., 1972; Воспитательная роль советского правосудия. – М., 1982; Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. Т. 2. – М., 1975; Рахудов Р.Д. Независимость судей в советском уголовном процессе. – М., 1972; и др.

ствление государственной целевой программы развития судебной системы, в которую были бы заложены все необходимые элементы обеспечения правосудия. Результатом судебной реформы должно стать формирование судебной власти как одной из трех ветвей власти в государстве.

Но формирование судебной власти немыслимо без ее носителей – судей. И в этом плане требования к судье как к должностному лицу, осуществляющему правосудие, должны соответствовать самым высоким стандартам – профессиональным и морально-нравственным. Преступление, совершаемое судьей, оставляет гораздо более серьезный негативный след, нежели преступление, совершаемое обычным человеком. Еще хуже обстоит дело, если преступление совершается судьей в связи с осуществлением профессиональной деятельности, в связи с отправлением правосудия.

Еще в конце XIX века в одном из решений английского суда (дело *Munster v. Lamb*) указывалось на недопустимость того, чтобы судьи судили «со злобой и фальшью». «Честность» судьи – главное его профессиональное качество – качество, без которого невозможно нормальное функционирование всей судебной системы страны.²⁷

Полностью солидаризируясь с вышеприведенным суждением, отметим, что установление уголовной ответственности за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта является одним из важных правовых средств развития отечественной судебной системы и независимой судебной власти в целом.

²⁷ Цит. по: *Beck A. Trial of a high court judge for defamation? // Law quartal review. – London, 1987. – Vol. 103. – P. 461-462, 481-483.*

§ 2. Неправосудность приговора, решения и иного судебного акта как философское и уголовно-правовое понятие

Проблема неправосудности имеет широкое социальное значение как часть проблемы социальной справедливости.

Уголовное право устанавливает существенные признаки деяний, признаваемых в такой степени общественно опасными, что их совершение должно, по общему правилу, повлечь применение мер уголовного наказания. Состав преступления есть совокупность признаков, характеризующих определенный вид деяний как общественно опасных и караемых уголовным наказанием.

Состав преступления – это абстракция, выведенная путем длительного изучения таких социальных явлений, как преступное поведение людей в обществе. Законодатель, формулируя составы преступлений, осуществляет «восхождение» от конкретного к абстрактному, находит в явлениях их социальную сущность с тем, чтобы затем судья, применяющий уголовный закон, мог связать ранее познанное абстрактное с изучаемым в суде конкретным и, зная ранее познанную и выраженную в законе сущность, обнаружил бы ее в конкретном противоправном поведении.

В уголовном судопроизводстве состав преступления выполняет двоякую функцию – поисковую и логическую.

Поисковая функция состава преступления состоит в том, что суд и следователь из всей массы фактов, составляющих конкретное деяние, отыскивают только существенные в юридическом (и социальном) отношении. При этом отбираемые факты «сортируются» в мышлении применительно к имеющимся со-

ставам, образующим как бы «ячейки», постепенно заполняемые фактами. Процессу собирания и использования фактических данных сопутствует процесс их «примеривания» к различным составам преступления в первом, втором и т.д. приближении, пока фактическая сторона конкретного преступления не совпадет в юридически существенных чертах с очерченным в законе составом преступления. Смежные составы имеют много общих элементов и отличаются иногда лишь некоторыми признаками, что создает опасность допустить ошибку в квалификации деяния при неправильном истолковании и применении дифференцирующего признака.

Логическая функция состава преступления, на взгляд некоторых ученых,²⁸ состоит в том, что он составляет большую посылку в силлогистическом умозаключении, где меньшей посылкой является суждение о наличии юридически значимых фактов, составляющих данное конкретное деяние.

Анализ состава преступления с точки зрения выполняемых им функций в процессе познания истины в суде начинается с определения объекта посягательства. Теория объекта преступления прошла долгий путь к становлению доктрины в соответствии с которой объект преступления есть общественные отношения, либо жизненно важные интересы, посягательство на которые охраняется государством путем применения к лицу, нарушившему уголовно-правовой запрет, суровых мер воздействия, влекущих серьезные последствия не только в виде необходимости претерпеть уголовное наказание, но и в виде такого правового последствия совершения преступления, как нали-

²⁸ См., например: *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. – М., 1972. – С. 64, 76; *Заблоцкий В.Г.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 1971. – С. 6.

чие судимости.

В юридической литературе неправомерность приговора толкуется как неустановление объективной истины по делу. Неправомерным является приговор, согласно которому заведомо виновный оправдывается либо заведомо невиновное лицо признается виновным. Неправомерным считается также приговор, которым виновному назначается явно несправедливое наказание ввиду его суровости или мягкости либо дается явно неправильная квалификация его действий при правильном установлении всех обстоятельств дела, что ведет к необоснованному смягчению или отягчению его ответственности и наказания.

Однако, определение понятия неправомерности есть не только правовая задача. Неправомерность должна определяться как морально-этическая, философская категория. Здесь необходимо признать, что существует реальная проблема связанная с индивидуальным восприятием судьей этого понятия. Принято считать, что принимая решение по конкретному делу судья должен оперировать не понятиями «добро, зло, справедливость и несправедливость», а понятиями «законно или незаконно». Здесь нам видится еще одна проблема связанная с свободой судебсого усмотрения.

Каким образом должен принимать решение судья, понимающий, что требование закона не отвечает критериям справедливости, и не выносит ли судья в данном случае неправомерный приговор?

Конечно судья имеет право и на свой собственный взгляд, не всегда соответствующий позиции, выраженной в отдельных нормах права. Но это не значит, что судья может игнорировать или «поправлять» законы. Из этого, однако, не следует, что судья должен применять законы слепо, не заме-

чая, что некоторые из них предлагают не самый лучший вариант решения правовой задачи.

Законодатель обязан быть достаточно проницательным, чтобы прогнозировать не только сиюминутные, но и отдаленные результаты своих мер. И если он не всегда демонстрирует это качество под влиянием политической или экономической конъюнктуры, групповых интересов, явного или скрытого лоббирования – это не только его беда, это беда общества, иногда на многие годы.

Если законодатель по ошибке создает правовые нормы, абсолютно несправедливые и нецелесообразные, либо если нормы действующих законов, устаревая, становятся совершенно несправедливыми и нецелесообразными, то суд может, путем правоприменения, сделать то, что пока еще не успел, но, в принципе, должен сделать сам парламент. Суд как бы предвосхищает решение законодательного органа. Судья, столкнувшись с абсолютно несправедливой и нецелесообразной правовой нормой, обязан применять ее. Следовательно, судьи будут выносить либо законные, но несправедливые решения, либо незаконные, но справедливые. Это подорвет доверие общества к судебной власти, поскольку ее решения станут неединообразными.

Однако следует отметить, что представления о справедливости и целесообразности у правоприменителя разные, и справедливое и целесообразное, с точки зрения одного правоприменителя, решение может выглядеть несправедливым и нецелесообразным с точки зрения другого правоприменителя или с точки зрения определенной социальной группы.

Индивидуальное правовое регулирование общественных отношений, осуществляемое органами судебной власти, должно

быть одновременно и гибким, и единообразным. Но эти принципы регулирования общественных отношений находятся в противоречии друг другу: максимальное единообразие судебных решений исключает гибкость индивидуального правового регулирования, а большая гибкость судебных решений препятствует их единообразию.

Вопрос о возможности вынесения либо только судами, либо как судами, так и некоторыми другими правоприменяющими органами государства заведомо незаконных, но при этом справедливых и целесообразных решений в тех достаточно редких случаях, когда норма права оценивается правоприменителем как абсолютно несправедливая и нецелесообразная, обсуждается в литературе уже более 150 лет. Этот институт в праве определяется как «*contra legem*».

Представления о справедливости и целесообразности у разных людей могут существенным образом различаться. Юристы по-разному решают для себя вопрос о принципиальной возможности вынесения незаконных, но справедливых и целесообразных правоприменительных решений. Представители естественно-правового (философского, аксиологического), социологического типов правопонимания допускают возможность применения *contra legem* с теми или иными оговорками, а представители нормативного (легистского, позитивистского) типа правопонимания считают правоприменение *contra legem* недопустимым.

С позиции некоторых юристов можно выделить два аспекта этой проблемы. Первый аспект – это диалектическое противоречие между такими ценностями права, как гибкость правового регулирования, с одной стороны, и предсказуемость поведения людей, исполняющих и соблюдающих нормы права, с другой стороны. Противоречие это особенно остро проявляется

в случаях регулирования правовых отношений несправедливыми и нецелесообразными нормами, поскольку одни правоприменители психологически склонны к вынесению совершенно законных, пусть и несправедливых и нецелесообразных решений, а другие, наоборот, стремятся принимать решения пусть незаконные, но, с их точки зрения, справедливые и целесообразные. Следовательно, по одинаковым категориям дел не будет единообразия правоприменительных решений, а это повлечет за собой нарушение одной из фундаментальных ценностей права – предсказуемости для участника правовых отношений поведения других людей в случае его собственного правомерного поведения.

Но если полностью запретить правоприменение *contra legem*, то будет нарушена другая фундаментальная ценность права – постоянное приспособление права к изменяющимся общественным отношениям, поскольку делать это (приспосабливать право к изменяющимся общественным отношениям) должны не только нормотворческие, но, в известной степени, и правоприменяющие органы государства²⁹.

Аргументы противников правоприменения *contra legem* были, в частности, очень подробно изложены известным представителем юридического позитивизма Г.Ф. Шершеневичем.³⁰

Нам кажется, что наличие у правоприменителя неограниченного свободного усмотрения при решении вопроса о том, применять право или не применять, а если применять, то каким образом, не может быть принято в правовом государстве.

Однако некоторые юристы полагают, что «возможна мо-

²⁹ Федотов А.В. Возможно ли применение *contra legem* в демократическом правовом государстве? // Журнал российского права. – 2002. – № 8.

³⁰ См.: Шершеневич Г.Ф. Философия права. Т.1. Общая теория права. – М., 1912–1914. – С.704–716.

дель, при которой, во-первых, правоприменение *contra legem* разрешено не любому суду, а лишь так называемым вышестоящим судам (трем высшим судам, а также судам субъектов Федерации и судам аналогично высокого уровня).

Во-вторых, проект любого решения *contra legem* должен обсуждаться наиболее опытными судьями, а затем и президиумом данного суда. К обсуждению проекта решения должна быть привлечена общественность - лица, имеющие высокий уровень образования и культуры и обладающие достаточно большим жизненным опытом, а также неопороченной репутацией, добрым именем. При судах могут быть созданы специальные общественные комиссии для обсуждения проектов решения *contra legem*.

В-третьих, решение *contra legem* в обязательном порядке должно быть рассмотрено Верховным Судом РФ или Высшим Арбитражным Судом РФ. Решение *contra legem* либо отменяется, либо официально публикуется, если высшие суды согласны с правовой позицией нижестоящего суда, а также, если они сами приняли решение *contra legem*, разрешая дело в качестве суда первой инстанции.

В-четвертых, Конституционный Суд РФ должен быть наделен безусловным правом отмены решений *contra legem*. Он имеет право отменять решение *contra legem*, несмотря на то, что с этим решением уже согласились Верховный или Высший Арбитражный Суд.

В-пятых, правом отмены решений *contra legem* должен быть наделен сам парламент, но при этом за отмену решения *contra legem*, одобренного Верховным или Высшим Арбитражным Судом и не вызвавшего возражений Конституционного Суда РФ, должно проголосовать квалифицированное большинство обеих палат парламента.

В-шестых, если парламент квалифицированным большинством голосов подтвердил, что считает определенную правовую норму справедливой и целесообразной, то суды в течение установленного законом периода времени (например, в течение двух или трех лет) не имеют права выносить решения *contra legem*, связанные с этой правовой нормой. Однако, если парламент и Конституционный Суд РФ не имеют возражений против конкретного судебного решения *contra legem*, одобренного Верховным или Высшим Арбитражным Судом и опубликованного в официальном периодическом издании, то данное решение приобретает силу судебного прецедента.³¹

Существуют примеры из судебной практики, когда суды реально применяли право *contra legem*, несмотря на то, что юридическая доктрина это им категорически запрещала.

Так, например, в июле 1944 года был принят нормативный акт,³² статья 20 которого запрещала женщинам, родившим ребенка вне официально зарегистрированного брака, обращаться в суд с исками о взыскании алиментов с отца ребенка и об установлении отцовства. Многие судьи, считая данную правовую норму исключительно несправедливой, обратили внимание на то, что ст. 42-3 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1927 г. позволяет взыскивать алименты с фактического воспитателя на содержание детей, которые были приняты на воспитание. Вопреки ясно выраженной в Указе от 8 июля 1944 года воле законодателя, суды расширительно истолковали ст.42-3 КЗоВСО РСФСР.

³¹ См.: Федотов А.В. Возможно ли применение *contra legem* в демократическом правовом государстве? // Журнал российского права. - 2002. - № 8.

³² Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства» от 8 июля 1944 г.

В результате сложилась судебная практика, когда суд мог возложить на отца внебрачного ребенка обязанность по уплате алиментов, объявив его при этом «фактическим воспитателем».

Аналогичная позиция была выражена и в юридической науке. Например, О.С. Иоффе в 1965 г. (а данная норма упомянутого Указа действовала до 1968 г.) писал: «Необходимо, чтобы воспитание было постоянным, что определяется не степенью его продолжительности (никаких сроков на этот счет в ст.42-3 КЗоБСО не предусмотрено), а действительными намерениями воспитателя в момент принятия ребенка на воспитание»³³

Таким образом, практике известны случаи правоприменения *contra legem*, и хотя это случаи редкие, исключительные, они были, есть и будут в правовой системе, вследствие чего наука и законодатель должны выработать к ним свое отношение.

На наш взгляд никакие правоприменяющие органы государства не имеют права осуществлять правотворческую деятельность, поскольку это противоречит принципам теории разделения властей. Если разрешить должностным лицам государства применять это право, то одни чиновники воспользуются этим правом, а другие нет.

Неединообразие правоприменительных решений будет значительно большим злом и значительно большей несправедливостью, чем вынесение по одинаковым категориям дел одинаковых правоприменительных актов, пусть даже несправедливых и нецелесообразных.

Предсказуемость правопорядка и единообразие правоохрани-

³³ См.: Иоффе О.С. Советское гражданское право. Курс лекций. Ч.3. - Л., 1965. - С. 274.

менительных решений для общества важнее, чем отдельные случаи принятия правоприменителями решений незаконных, но справедливых и целесообразных.

Кроме того, право выносить решения *contra legem* существенным образом расширяет возможность свободного усмотрения правоприменителей и увеличивает опасность их произвола, коррупции.

Правоприменение *contra legem* совершенно не устраняет обнаруженную правоприменителем правовую деструкцию, даже наоборот, только усугубляет ее, поскольку постепенно складывается устойчивая практика такого правоприменения, и законодатель уже не видит необходимости исправлять свою ошибку, а между тем в любой момент какой-нибудь чиновник или орган государства могут применить материально несовершенную, несправедливую и нецелесообразную норму закона не *contra legem*, а *intro legem*, то есть по ее точному смыслу. Если бы правоприменение *contra legem* было недоступно для правоприменителя, ему бы пришлось выносить достаточно жесткие решения на основании материально несовершенных норм права, вследствие чего люди, знающие о таких решениях, активно требовали бы от законодателя изменения или отмены несовершенной нормы и этого бы им удалось добиться довольно быстро.

Ошибка может быть допущена не судом, а законодателем при формулировании состава преступления.

При этом возможны два варианта:

1) деяние, не являющееся для данного общества опасным (в частности, потерявшее общественную опасность), либо не требующее уголовно-правового воздействия, ошибочно расценивается законодателем как общественно опасное, требующее

применения уголовного наказания;

2) деяние, являющееся общественно опасным и требующее применения уголовного наказания, законом в качестве преступления не предусмотрено.

Применяя уголовный закон, дефектный в одном из этих отношений, судья формально-юридически и формально-логически ошибку не допускает.

Однако он воспроизводит применительно к конкретным случаям общую социальную ошибку законодателя, допускающего существование таких дозволений и запретов, которые не соответствуют потребностям данной социальной системы. Поэтому некоторые авторы полагают, что приговор, основанный на применении ошибочной нормы права, в широком социальном плане тоже следует считать ошибочным.³⁴

На практике укоренился ошибочный взгляд, согласно которому под необоснованным осуждением понимают не все случаи отмены по законным основаниям обвинительных приговоров, а только те случаи, когда дело прекращается по реабилитирующим основаниям или выносится впоследствии оправдательный приговор

Так, в одном из обобщений Верховного Суда УССР говорится, что в 1967 г. по республике были неосновательно осуждены лишь 7 человек (общее количество отмененных приговоров не приведено), тогда как 36 лиц, совершивших тяжкие преступления, были неосновательно оправданы. Создается впечатление, что случаи необоснованного осуждения чрезвычайно редки и что большинство судебных ошибок связано с непра-

³⁴ Резник Г.М. Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе. - М., 1988. - С. 96; Пороков В.Я. Установление истины - цель доказывания в советском уголовном процессе // Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. - М., 1973. - С. 120-130.

вильным оправданием. А если это так, то создается видимость существования «оправдательного» уклона. Отсюда недалеко и до призыва к устранению «излишнего» либерализма в судебной деятельности.

Не следует забывать, что, вынося обвинительный приговор при недостаточных доказательствах, суд, независимо от окончательного результата производства по делу, осуждает невиновного (при данной совокупности доказательств) человека.

Последующее осуждение того же человека по тому же обвинению, но при иной (более широкой) совокупности доказательств немногим снижает степень ответственности судей за осуждение лица, вина которого на момент вынесения первого приговора не была доказана

Такой вывод вытекает из презумпции невиновности, согласно которой обвиняемый считается невиновным, пока вина его не доказана в установленном законом порядке. Значит, вынесение необоснованного обвинительного приговора есть осуждение невиновного, хотя, быть может, в дальнейшем на основе иной совокупности доказательств он будет признан виновным.

Этот вопрос тесно связан с теоретическими представлениями о соотношении истины и достоверности в судебном познании.

Некоторые авторы считают, что недостоверное, недоказанное положение может быть тем не менее истинным, ибо истина характеризует адекватное отражение мыслью объекта, а не доказательство их тождества.

Согласно этой точке зрения, истинными могут быть гипотеза (версия), предположение, догадка, в дальнейшем дока-

занные, так например, П.Ф. Пашкевич пишет: «Истина бывает доказанной и недоказанной».³⁵ Этот взгляд опирается на весьма сомнительное размежевание истины и достоверности в работах некоторых философов и логиков³⁶.

Г.М. Резник, защищая эту точку зрения, считает, что «...от того что мысль не доказана, она не перестает быть истиной»³⁷.

Но мысль еще не начинала быть истиной; это значение она приобретает только после того, как будет доказано ее соответствие действительности. В частности, если приговор не обоснован, т.е. в нем не приведены доказательства выводов, к которым пришел суд, то сама постановка вопроса о признании его истинным ничего не дает для науки и тем более практики. Такая постановка вопроса может лишь неосновательно смягчить серьезность допущенной судом ошибки.

Г.М. Резник полагает, что такое понимание истины приводит к субъективной ее трактовке, поскольку «она становится зависимой от субъекта познания, от того, располагает ли он необходимыми средствами, правилами, проверки суждений».³⁸ Истина, безусловно, субъективна в том смысле, что ее достижение определяется познавательными возможностями человека — открывателя истины — и человечества в целом на каждой данной стадии его развития. Но по содержанию знаний, соответствующих действительности, истина, конечно, объективна. Человечество много раз жестоко страдало от того, что принимало на веру недоказанные утверждения, объявляя их истиной.

³⁵ Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. — М., 1961. — С. 71.

³⁶ См., например: Горский Д.П. Логика. — М., 1963. — С. 91.

³⁷ Резник Г.М. Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе. — М., 1988. — С. 224.

³⁸ Там же. — С. 225.

Печальный опыт истории учит: истина есть только то, что доказано и проверено практикой.

Представляется, что рассматриваемая точка зрения ошибочна. Гипотеза, предположение, догадка, любой не вполне доказанный вывод имеют определенную эвристическую ценность. Но до полного обоснования этого вывода нельзя говорить о нем как об истинном, поскольку не исключены другие выводы, гипотезы, предположения. Либо мы имеем гипотезу (любой не вполне обоснованный вывод), но тогда она не истина, либо истину, но тогда она уже не гипотеза, а достоверное знание. Третьего не дано. Верно, конечно, что истина характеризует адекватное отношение мысли к объекту. Но это отношение на логической ступени познания устанавливается не иначе, как доказательствами, и лишь, при полной доказанности этого тождества знание становится достоверным. Истина всегда достоверна.³⁹

Ретроспективный взгляд на гипотезу, которая уже в момент своего появления была истиной, ничего не может дать науке, кроме тривиальных рассуждений о пользе эвристики и интуиции, в чем никто не сомневается, и признания гения тех великих ученых, которые привели человечество к истине через догадку.⁴⁰ Мы преклоняемся перед силой их предвидения, но утверждаем, что самые гениальные догадки и предположения – только путь к истине, а не сама истина, которая существует

³⁹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. – С. 326; Ривлин А.Л. Законность, обоснованность, истинность в уголовном судопроизводстве и их взаимосвязь // Правоведение. – 1969. – № 2; Петрухин И.Л. Некоторые вопросы методологии экспертного и судебного познания // Труды ЦНИИСЭ. Вып. 2. – М., 1970. – С. 253.

⁴⁰ По мнению философа И.Д. Андреева, ни одна гипотеза не может считаться истиной. См: Андреев И.Д. О методах научного познания. – М., 1964. – С. 138.

лишь постольку, поскольку она доказана.

Неправосудность судебного решения должна иметь не только философское, но и формально-юридическое определение, значимое для уголовного права (а именно – для вменения состава преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ).

В современной литературе обычно утверждается, что под неправосудным приговором (решением, определением, постановлением) понимается любой судебный акт, который вынесен не в соответствии с обстоятельствами дела и тем самым противоречит требованиям материального и (или) процессуального закона.⁴¹ Приведем еще одно определение: к неправосудным относятся такие судебные акты, которые вынесены с существенным нарушением норм материального и процессуального права или противоречат фактическим обстоятельствам дела, «искажают объективную истину».⁴²

Но ведь «искажение объективной истины», выраженное в противоречии «фактическим обстоятельствам дела» и означает «существенное нарушение» норм материального или процессуального права! Как можно говорить о неправосудности, если норма права применена верно – ведь в этом случае верно разрешен сам юридический конфликт.

С точки зрения уголовно-правового понимания неправосудности приговора можно выделить следующие ее значимые характеристики:

1. Существо неправосудности образует несоответствие судебного решения фактическим обстоятельствам юридического конфликта (т.е. уголовного, гражданского, ад-

⁴¹ См., например: Курс российского уголовного права. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2002. – С. 889;

⁴² Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М., 2002. – С. 196.

министративного дела) .

2. Такое несоответствие может иметь место в любой части судебного решения: описательной, мотивировочной или резолютивной.

3. В итоге неправосудность приговора выражается в неправильном применении нормы материального и (или) процессуального права. Но такое неправильное применение нормы всегда основывается на искажении фактических обстоятельств разрешаемого в судебном порядке дела. Неправосудность – это применение при разрешении юридического конфликта не соответствующей существу конфликта нормы права.

Суммируя все вышесказанное, полагаем, что **неправосудность приговора, решения или иного судебного акта означает, в юридическом смысле, несоответствие судебного акта (в любой его части) фактическим обстоятельствам юридического конфликта, подлежащего судебному разрешению, и выраженное в неправильном применении судом норм материального и (или) процессуального права.**

Отметим, что с данным определением согласились почти 75% наших респондентов.

Глава II. ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТАВА ВЫНЕСЕНИЯ ЗАВЕДОМО НЕПРАВОСУДНЫХ ПРИГОВОРА, РЕШЕНИЯ ИЛИ ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА

§ 1. Объект вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта

Традиционно в отечественной науке уголовного права считается, что основной характеристикой любого преступления является его общественная опасность, то есть способность причинить вред охраняемым уголовным законом объектам.

В советский период объект преступления практически однозначно понимался как общественное отношение, которому деянием причиняется вред или в отношении которого создается реальная угроза причинения вреда преступлением.⁴³

При этом была выдвинута концепция классификации объектов уголовно-правовой охраны в зависимости от степени обобщенности общественных отношений по родовому признаку последних (общий, родовой и непосредственный объекты).

В основных чертах такое понимание объекта преступления до сих пор является концептуальным и в современной отечественной уголовно-правовой литературе (правда, в связи с принятием УК РФ 1996 года в ряде трудов в названную иерархию объектов уголовно-правовой охраны добавлен видовой объект преступления).

В литературе подчеркивается, что содержание общественных отношений составляет «социально значимое поведение, включающее в себя все виды социального поведения; а общественные отношения – специфическая форма всей жизнедеятельно-

⁴³ См., например: Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М., 1980. – С. 125-126.

сти людей, сама их жизнедеятельность».⁴⁴

Однако в российской теории уголовного права в последнее время снова поднят вопрос о понимании объекта преступления как такового.

Как известно, Уголовный закон считает своей основной задачей охрану определенных прав, свобод и интересов человека, общества, государства и человечества в целом (ч. 1 ст. 2 УК РФ). В соответствии с данным законодательным положением, в последнее время в доктрине уголовного права обосновывается позиция, что объектом уголовно-правовой охраны могут быть не только общественные отношения в традиционном их понимании.

В связи с вышесказанным, в последнее время обосновывается позиция, согласно которой в ряде случаев теория объекта преступления, исключительно как общественного отношения, «не срабатывает» в целом ряде случаев.⁴⁵

Например, в преступлениях против личности объектом преступных посягательств необходимо считать не столько личность как совокупность общественных отношений, а личность человека в качестве абсолютной ценности. Таким образом, в уголовно-правовой теории наметился своеобразный поворот, возвращение к пониманию объекта правовой охраны не только как общественного отношения в узком смысле этого слова, но и как «реального блага, интереса».⁴⁶

Мы полагаем, что именно такое понимание объекта преступления в большей степени соответствует определению задач

⁴⁴ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. - М., 1960. - С. 64.

⁴⁵ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. - М., 1996. - С. 147-149.

⁴⁶ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. - Т. 1. - М., 1994. - С. 116-117.

Уголовного закона и новой иерархии ценностей уголовно-правовой охраны по УК Российской Федерации 1996 года.

К тому же определение преступления в ст. 14 УК РФ 1996 г. («преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания») также прямо не указывает на тот факт, что объектом преступления могут расцениваться только общественные отношения в традиционном их понимании – ведь общественно опасное деяние может посягать и на общественно значимые блага и интересы.

Применительно к преступлениям против правосудия в целом (и вынесению заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта – в частности) следует заметить следующее.

В соответствии с положениями Уголовного кодекса РФ, видовым объектом в главе 31 являются интересы правосудия. Порядок отправления правосудия выступает в качестве реального блага, интереса уголовно-правовой охраны вне зависимости от того факта, имеет место преступное деяние против интересов правосудия либо нет.

Мы солидарны с позицией, что именно такое понимание объекта (в том числе и применительно к рассматриваемому преступлению) дает основания для более четкого и глубокого понимания предупредительной задачи (функции) уголовного права и Уголовного закона.⁴⁷

В литературе существует немалое количество точек зрения относительно понимания интересов правосудия как видового объекта уголовно-правовой охраны.

Рассмотрим вначале понимание самого термина «правосу-

⁴⁷ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Практический курс уголовного права России. – Ставрополь, 2001. – С. 47.

дие». По определению В.И. Даля, «правосудие» – «правый суд, решение по закону, по совести, ... правда».⁴⁸ С.И. Ожегов определил правосудие более ограничительно как «деятельность правовых, судебных органов».⁴⁹

Для понимания правосудия как объекта уголовно-правовой охраны отметим, что Конституция России 1993 года в ст. 118 указывает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом; при этом определения того, что такое «правосудие», основной Закон не содержит.

Нельзя не согласиться с тем, что в уголовном законодательстве понятие «правосудие» получило более широкую интерпретацию, нежели соответствующее конституционное предписание. Уголовно-правовые нормы, включенные в эту главу, не только защищают интересы собственно судебной деятельности, но и охраняли законную деятельность должностных лиц и граждан, содействующих отправлению правосудия, а также обязанных надлежащим образом выполнять судебные решения. Таким образом, в уголовном праве термин «правосудие» стал использоваться в более широком смысле.

В этой связи в юридической литературе справедливо высказывалось мнение, что термин «правосудие» не является присущим лишь процессуальному праву и его следует рассматривать как в узком, так и в широком смысле слова. При этом «правосудие» в собственном (узком) смысле слова означает конкретную сферу реализации функций суда. Понятие правосудия в широком смысле характеризует в уголовном законодательстве объект правовой охраны.⁵⁰

⁴⁸ Даль В.И. Толковый словарь Живого великорусского языка. Т. III. – М., 1998. – С. 380.

⁴⁹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 15. – М., 1984. – С. 511.

⁵⁰ См.: Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступле-

Хотя использование в уголовном законодательстве и теории уголовного права термина «правосудие» не соответствует буквальному его толкованию, вытекающему из положений Конституции РФ, так как расширяет содержание этого понятия, однако данный термин, как никакой иной, определяет ту специфическую сферу государственной деятельности, которая подлежит самостоятельной уголовно-правовой защите, и поэтому его использование в указанном толковании представляется оправданным.

Обобщая высказанные в теории уголовного права точки зрения, можно говорить о существовании двух основных концепций относительно понимания интересов правосудия как объекта уголовно-правовой охраны.

Суть первой сводится к тому, что интересы правосудия состоит в правильном отправлении правосудия только судом, исключая деятельность органов дознания и предварительного следствия. Такой вывод корреспондировал к букве процессуального законодательства (как уголовного, так и гражданского).⁵¹

Критики данной концепции указывали на то, что органы дознания и следствия, а также органы, исполняющие приговоры и иные судебные решения, бесспорно лишь способствуют осуществлению правосудия – но это не дает оснований для вывода о том, что их деятельность не входит в содержание правосудия как объекта уголовно-правовой охраны. По этим соображениям правосудие как объект уголовно-правовой охраны предлагалось понимать как деятельность суда по решению задач и достиже-

ния против правосудия. – М., 1968. – С. 25–28, 31; *Рашковская Ш.С.* Преступления против правосудия. – М., 1978. – С. 5.

⁵¹ См., например: *Добровольская Т.Н.* Понятие советского социалистического правосудия // Ученые записки ВИЮН. – 1963. – № 16. – С. 18.

нию целей правосудия, а также правильную деятельность органов, содействующих в этом суду (т.е. органов дознания, предварительного следствия и органов, обеспечивающих исполнение судебных решений по гражданским и уголовным делам).⁵²

Второй подход находил большее количество сторонников в советский период.

Так, например, В.А. Владимиров также полагал, что в качестве объекта преступлений против правосудия выступает нормальная деятельность органов правосудия: «при этом под органами, осуществляющими правосудие, закон имеет в виду не только суд, ... но и органы, обеспечивающие суду возможность объективного и всестороннего разрешения дел, способствующие осуществлению правосудия».⁵³

И в настоящее время «нормальная», «законная», «правильная» деятельность суда, органов предварительного следствия и дознания, а также уголовно-исполнительной системы называется видовым объектом преступлений против правосудия практически всеми авторами.

Из высказанных в последнее время точек зрения на интересы правосудия как объект уголовно-правовой охраны отметим наиболее, на наш взгляд, удачную: правосудие как объект уголовно-правовой охраны представляет собой охраняемые Уголовным законодательством интересы деятельности судов по законному рассмотрению и разрешению дел в порядке конституционного, уголовного, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, определенном международными договорами Российской Федерации, Конституцией Российской Фе-

⁵² Курс советского уголовного права. В 6-ти томах. Т. 6 / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. - М., 1971. - С. 90-91.

⁵³ Советское уголовное право. Часть Особенная / Отв. ред. Н.И. Загородников. - М., 1973. - С. 399.

дерации, федеральным конституционным и федеральным законодательством РФ.⁵⁴

Полагаем, что именно такое определение интересов правосудия необходимо расценивать в качестве основного непосредственного объекта вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, а также в качестве видового объекта всей системы преступлений против интересов правосудия по Уголовному кодексу РФ 1996 года.

Принципиально важным представляется вопрос о существовании дополнительного непосредственного объекта рассматриваемого преступления.

Несомненно, что вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта, посягает, прежде всего, на неприкосновенность личности, гарантированную статьями Конституции Российской Федерации. Этот подход основывается на современных социально-политических реалиях и не в последнюю очередь отражает приверженность положениям международного права.

Российская Федерация декларирует примат конституционных прав личности, что позволяет по-новому выстроить систему охраняемых ценностей в уголовном законодательстве и определить приоритеты в их правовой охране. Так, в российской Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. на одно из первых мест помещено право человека на личную неприкосновенность (ст. 8). Данное положение органично вошло в действующую Конституцию

⁵⁴ См.: *Коробейников А.А.* Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003. – С. 15.

Российской Федерации (глава 2. «Права и свободы человека и гражданина»).

Из этого следует, что конституционные права личности необходимо рассматривать в качестве дополнительного объекта изучаемого посягательства.

Верное определение объекта вынесения заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта, в немалой степени может повлиять на характер и масштабы правоприменительной практики, которая в настоящее время, по существу, отсутствует.

Причиняется ли вред конституционным правам и свободам человека и гражданина вынесением любого заведомо неправосудного судебного акта (разумеется, в случаях, когда физическое лицо так или иначе участвует в юридическом конфликте, подлежащем судебному разрешению)? Безусловно, да.

Вынесение заведомо неправосудного судебного решения всегда, как минимум, причиняет ущерб таким личным правам, как честь, достоинство, репутация человека. Если речь идет об уголовном деле, то нередко нарушаются права на личную свободу и неприкосновенность. Взять хотя бы, например, случаи заведомо незаконного судебного решения о предварительном заключении под стражу, применении иных мер пресечения.

Данное положение прямо подтверждается наличием в ч. 2 ст. 304 УК РФ такого квалифицирующего обстоятельства, как сопряженность вынесения заведомо неправосудного приговора с назначением наказания в виде лишения свободы. Можно только представить, какой спектр конституционных прав и свобод нарушается в этом случае.

Кроме того, при вынесении заведомо неправосудного судебного решения страдают и иные защищаемые уголовным правом интересы – интересы юридических лиц, общества в целом, наконец, государственные интересы. Например, при вынесении заведомо неправосудного решения арбитражным судом изначально вред причиняется законным интересам юридических лиц. Вынесение неправосудного приговора по уголовному делу всегда затрагивает как интересы общества, так и интересы государственной власти, ее авторитета.

Полагаем, что интересы соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемые интересы юридических лиц, общества и государства необходимо расценивать в качестве **дополнительного непосредственного объекта** рассматриваемого преступления, в чем с нами согласились 65% опрошенных в ходе социологического опроса.

Наконец, на основе понимания непосредственного объекта посягательства, надо ответить на вопрос о месте изучаемого преступления в системе преступлений против правосудия.

В литературе распространено деление преступлений против правосудия по видам в зависимости от субъекта преступления,⁵⁵ хотя предлагаются и иные основания для их классификации.⁵⁶

Некоторым авторам представляется, что наиболее удачной является классификация преступлений против

⁵⁵ Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. – М., 1957. – С. 9.

⁵⁶ См.: Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. – М., 1968. – С. 53; Бажанов М.И. Уголовно-правовая охрана советского правосудия. – Харьков, 1986. – С.18-19.

правосудия по их непосредственным объектам, поскольку она, на их взгляд, в наибольшей степени отражает те общественные отношения интересы, которым определенные группы данных преступлений причиняют вред.

Так, по мнению М.Н. Голоднюк, в зависимости от непосредственного объекта преступления против правосудия можно дифференцировать следующим образом:

1. Преступления, препятствующие исполнению работниками правоохранительных органов их обязанностей по осуществлению целей и задач правосудия.

2. Преступления, совершаемые в процессе отправления правосудия должностными лицами (судьями, прокурорами, лицами, производящими дознание и предварительное расследование).

3. Преступления, препятствующие осуществлению мер государственного принуждения, указанных в приговорах, решениях суда или иных судебных актах.⁵⁷

Однако, на наш взгляд такая классификация не вполне отвечает требованиям единства критерия, на основе которого предложено систематизировать преступления на группы.

Следует отметить, что нормы внутри главы о преступлениях против правосудия теоретически обоснованно было бы расположить в определенной последовательности, исходя из характеристики общественной опасности отдельных видов преступлений и признаков их субъекта или непосредственного объекта, что не соблюдается в должной степени в действующем уголовном кодексе.

⁵⁷ Голоднюк М.Н. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 1996. - № 6.

Так как в ст. 305 УК РФ говорится о вынесении заведомо незаконного судебного акта, то интересы правосудия как непосредственный объект должны пониматься в «узком» смысле – т.е. как интересы осуществления правосудия только судом.

В то же время любой судья по определению является должностным лицом. Недаром практически все авторы относят это преступление к преступлениям против правосудия, совершаемым должностными лицами, осуществляющими само правосудие.

Действительно, интересы правосудия как интересы нормального функционирования судебной власти, являются частной разновидностью более широкого круга охраняемых уголовным правом интересов – а именно интересов нормального функционирования государственной власти в целом.

Нарушает ли вынесение заведомо неправосудного судебного акта интересы авторитета государственной власти, интересы нормального функционирования публичного аппарата власти? Ответ опять однозначен – да, безусловно.

Судья, выносящий заведомо неправосудное решение, будучи должностным лицом, наносит существенный ущерб более общим интересам государственной власти и государственной службы. По этой причине, в силу специфики интересов правосудия как непосредственного объекта уголовно-правовой охраны, полагаем, что состав вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта необходимо расценивать в качестве специальной нормы по отношению к составам должностных преступлений. Кроме того, данного рода специализация имеет второе основание, а именно особый статус судей как носителей судебной власти,

представителей публичного государственного аппарата, т.е. должностных лиц.

По отношению к составу какого должностного преступления ст. 305 УК РФ является специальной? Полагаем, что ст. 305 УК РФ является специальной нормой по отношению к составу превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Действительно, превышение должностных полномочий характеризуется совершением виновным при исполнении должностных обязанностей действий, явно выходящих за пределы его служебной компетенции. В пункте 11 Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» (в действующей редакции),⁵⁸ от 30 марта 1990 года, к превышению должностных полномочий отнесено совершение должностным лицом действий, которые *никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершить*. Вынести неправоудный приговор, любое иное судебное решение не вправе ни один судья (судьи) – если он все же совершает это деяние, то содеянное является ничем иным как специального рода превышением своей должностной компетенции.

⁵⁸ Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1990. – № 3. – С. 14.

§ 2. Объективная сторона вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта

Как известно, объективная сторона любого состава преступления представляет собой элемент, который характеризует внешнюю сторону общественно опасного деяния, его проявление вовне. Говоря иными словами, объективная сторона преступления есть «процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата».⁵⁹ Для этого процесса также характерен определенный способ его совершения и протекание его в конкретных условиях места, времени и обстановки.⁶⁰

Объективная сторона преступления законодателем может конструироваться двояко. Так, в одних случаях объективную сторону преступления характеризует только общественно опасное деяние в форме действия или бездействия. В других случаях, для наличия объективной стороны, помимо деяния необходимо также наличие общественно опасных последствий и причинной связи между ними. Те составы преступлений, «объективную сторону которых образует только общественно опасное действие или бездействие, вне зависимости от наступивших последствий»,⁶¹ в теории уголовного права принято называть

⁵⁹ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С. 9.

⁶⁰ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. – Ростов-на-Дону, 1977. – С. 7.

⁶¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть // Под ред.

формальными составами преступлений.

К последним относится и исследуемый состав. Основной состав вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта является формальным, поскольку законодатель указывает в диспозиции ч. 1 ст. 305 УК РФ только на деяние («вынесение»), и совсем не предусматривает обязательность наступления каких-либо последствий.

Если воспринимать как аксиому обозначенный выше объем понятия непосредственных объектов вынесения заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта, то не вызовет возражений определение понятия «неправосудность», в контексте признаков объективной стороны данного преступления.

Эффективность применения любой уголовно-правовой нормы Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации, в первую очередь зависит от того, как законодатель описывает сущность преступного деяния, насколько полно и четко изложены признаки состава преступления, однозначно ли трактуются термины, содержащиеся в диспозиции нормы.

В этом смысле статью 305 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта, вряд ли можно назвать безупречной.

Согласно диспозиции ст. 305 УК РФ, объективная сторона анализируемого состава преступления выражается в вынесении заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта.

Помимо приговоров и решений к судебным актам, ответственность за неправосудное вынесение которых установлена

ст. 305 УК РФ, относятся определения и постановления.

Необходимо особо отметить, что вид неправосудного судебного акта зависит от характера дела, по которому он вынесен. Полагаем, что, в соответствии с конституционными предписаниями, можно выделить судебные акты, выносимые:

- а) по уголовным делам;
- б) по гражданским делам;
- в) по арбитражным делам;
- г) по административным делам;
- д) в порядке конституционного правосудия.

В соответствии со ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 года,⁶² к судебным актам *уголовного судопроизводства*, неправосудное вынесение которых влечет уголовную ответственность по ст. 305 УК РФ, относятся:

1. *Приговор* - решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции;
2. *Определение* - любое решение, за исключением приговора, вынесенное судом первой инстанции коллегиально при производстве по уголовному делу, а также решение, вынесенное вышестоящим судом, за исключением суда апелляционной или надзорной инстанции, при пересмотре соответствующего судебного решения;
3. *Постановление* - любое решение, за исключением приговора, вынесенное судьей единолично; решение, вынесенное президиумом суда при пересмотре соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу; решение прокурора, следователя, дознавателя, вынесен-

⁶² Российская газета. - 2001, 22 декабря.

ное при производстве предварительного расследования, за исключением обвинительного заключения и обвинительного акта

На вопрос о том, относится ли к судебным актам уголовного судопроизводства, указанным в ст. 305 УК РФ, вердикт коллегии присяжных заседателей, следует ответить отрицательно, поскольку вердикт сам по себе не судебное решение, а основание для принятия такого решения судьей. Вердикт – вывод (мнение, заключение) присяжных заседателей по вопросу о виновности либо невиновности подсудимого, он обязателен только для председательствующего судьи, который при наличии предусмотренных ч. 4, 5 ст. 348 УПК РФ условий может с обвинительным вердиктом не согласиться.

В гражданском судопроизводстве, в соответствии с положениями ст.ст. 13, 121, 224, 194, 329, 360, 388 Гражданского процессуального кодекса РФ 2002 года,⁶³ суды принимают судебные постановления в форме судебных приказов, решений суда и определений суда:

1. *Судебный приказ* – это судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника;
2. *Определение суда* – это судебные постановления суда первой инстанции, которыми гражданское дело не разрешается по существу; а также судебные постановления суда кассационной и надзорной инстанций;
3. *Решение суда* – это постановление суда первой инстанции, которым дело разрешается по существу; а также постановление суда апелляционной инстанции по от-

⁶³ Российская газета. – 2002, 20 ноября.

мене или изменению решения мирового судьи.

В соответствии со ст. 15 Арбитражного процессуального кодекса 2002 года,⁶⁴ *арбитражный суд* принимает судебные акты в форме решения, постановления, определения. При этом:

1. Судебный акт, принятый арбитражным судом первой инстанции при рассмотрении дела по существу, именуется *решением*.

2. Судебные акты, принимаемые арбитражными судами апелляционной и кассационной инстанций по результатам рассмотрения апелляционных и кассационных жалоб, а также судебные акты, принимаемые Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ по результатам пересмотра судебных актов в порядке надзора, именуются *постановлениями*.

3. Все иные судебные акты арбитражных судов, принимаемые в ходе осуществления судопроизводства, именуются *определениями*.

В производстве по *административным делам* судья может, в соответствии с Кодексом РФ об административных правонарушениях 2001 года,⁶⁵ вынести постановления и определения (порядок и содержание этих судебных решений определены в ст.ст. 29.10, 29.12 КоАП РФ).

Наконец, при осуществлении *конституционного правосудия*, в соответствии со ст. 71 ФКЗ РФ «О Конституционном Суде», решение, принятое как в пленарном заседании, так и в заседании палаты Конституционного Суда РФ, является решением Конституционного Суда РФ. Итоговое решение Конституционного Суда РФ по существу закона именуется постановлением. Итоговое решение Конституционного Суда РФ по существу за-

⁶⁴ Российская газета. – 2002, 24 июля.

⁶⁵ Российская газета. – 2001, 31 декабря.

проса о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления именуется заключением. Все иные решения Конституционного Суда РФ, принимаемые в ходе осуществления конституционного судопроизводства, именуются определениями.

Как ранее подчеркивалось, определенную сложность вызывает также выяснение сути термина «неправосудный». К сожалению, уголовное законодательство не содержит нормы, прямо раскрывающей понятие неправосудного. Позволяет это сделать анализ УПК Российской Федерации.

Приговор, решение или иной судебный акт является правосудным, если он соответствует требованиям законности, обоснованности и справедливости. Так, например, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 297 УПК РФ приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса и основан на правильном применении уголовного закона. Несоответствие судебного акта хотя бы одному из указанных требований (законность, обоснованность, справедливость) делает его неправосудным.⁶⁶

Анализ материалов уголовных дел о вынесении неправосудных судебных решений свидетельствует о том, что суды во всех случаях признавали подсудимых виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, если в судебном заседании было подтверждено, что судебное решение заведомо выносилось виновным с существенным нарушением уголовного, уголовно-процессуального либо гражданско-

⁶⁶ См. также Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 29 апреля 1996 года «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1996. - № 7. - С. 3.

процессуального закона (без проведения судебного заседания, без исследования доказательств, без составления протокола и др.).

Приведем пример. Так, судья Рыбинского городского суда Г.⁶⁷ признан виновным в вынесении заведомо неправосудного приговора при следующих обстоятельствах.

В феврале 1994 г. в суд из прокуратуры поступило уголовное дело по обвинению Х. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 145 УК РСФСР. Это дело было передано судье Г. и на 21 марта 1994 г. назначено им к слушанию, однако по неизвестной причине оно рассмотрено не было.

После этого дважды: 25 декабря 1997 г. и 14 января 1998 г. судом под председательством судьи Г. дело откладывалось вследствие неявки подсудимого. 23 апреля 1998 г. Х. явился в суд по повестке и зашел в кабинет Г., где в это время никого кроме судьи не было. Скрывая допущенную им волокиту и не желая тратить время на рассмотрение уголовного дела по обвинению Х., вопреки требованиям Уголовно-процессуального кодекса, регламентирующего порядок судебного разбирательства, без проведения судебного заседания Г. объявил Х., что тот признан виновным в совершении грабежа и ему назначено наказание в виде двух лет шести месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года.

В тот же день Г. лично изготовил машинописным способом приговор, в котором указал, что Х. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 145 УК РСФСР, и осужден к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года. По предложению Г. народные заседатели подписали приговор, не знакомясь с его содержанием.

⁶⁷ Архив Верховного Суда РФ. Дело № 3-61/87.

Впоследствии Г. предложил секретарю К. написать протокол якобы состоявшегося по делу Х. судебного заседания, а после изготовления сфальсифицированного протокола подписал его вместе с секретарем К.

Квалифицируя содеянное Г. по ч. 1 ст. 305 УК РФ, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что заведомая неправосудность вынесенного Г. в отношении Х. приговора заключается в постановлении его с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлиявшим на разрешение дела по существу.

Еще один из немногочисленных примеров практики применения ст. 305 УК РФ.

Федеральный судья Ч. (г. Челябинск) также признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ, поскольку она, действуя умышленно, существенно нарушив гражданско-процессуальный закон (ст.ст. 189-193 ГПК РСФСР), не проведя судебное заседание, не вызвав заинтересованных в исходе гражданского дела лиц, не исследовав доказательства, без составления протокола судебного заседания 12 февраля 1999 г. вынесла заведомо неправосудное решение об отмене постановления Ставропольской таможни об изъятии, принадлежащего заявителям автомобиля «Chrysler-Stratus».

Важен и еще один вывод, который сделала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассматривая уголовное дело по обвинению Ч.: то обстоятельство, что к моменту рассмотрения уголовного дела судебное постановление об отмене неправосудного решения от 12 февраля 1999 г. не было принято, не является основанием, исключающим производство по делу. Обвинение Ч. в вынесении заведомо неправосуд-

ного решения доказано, поэтому независимо от существа принятых по гражданскому делу дальнейших решений (или их отсутствия), это не может служить поводом освобождения Ч. от уголовной ответственности за совершенное ею преступное деяние.

Итак, в случае, когда собранными доказательствами обвинение подсудимого в вынесении неправосудного судебного акта подтверждено, сам по себе факт отмены (либо не отмены) к моменту рассмотрения уголовного дела этого акта не является основанием для постановления оправдательного приговора либо прекращения производства по делу.

Не вызывает сомнений, что вынесение заведомо неправосудного судебного акта представляет собой только действие – совершить его бездействием невозможно.

В трудах многих авторов бездействие определяется как акт общественно опасного и противоправного поведения, состоящий в не совершении лицом того, что оно по определенным основаниям обязано было и могло совершить. Существо вопроса состоит в том, что уголовная ответственность наступает за юридическое бездействие, т.е. за не совершение определенных действий. В этом смысле с юридической точки зрения бездействие не отличается от преступного действия и носит волевой характер. Оно так же представляет собой деяние, но в виде неисполнения юридической обязанности.⁶⁸

Сама по себе обязанность действовать возлагается на субъекта в силу указания самого Уголовного закона, иных нормативных актов, но в ряде случаев может возникнуть в силу ранее совершенного акта поведения, служебных обязанностей, договора или иных принятых субъектом обязательств. В

⁶⁸ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М., 1996. – С. 161-162.

силу такого юридического понимания бездействия абсурдно само предположение того, что вынесение заведомо неправосудного судебного решения возможно в этой форме.

Довольно однозначно трактуется в юридической литературе момент окончания данного преступления. Практически все авторы единодушны в том, что вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта должно считаться окончанным преступлением в момент подписания судьей (судьями) любого из указанных судебных решений, вне зависимости от его вступления в силу, исполнения и прочих обстоятельств.⁶⁹ По справедливому замечанию А.С. Горелика, ответственность по ст. 305 УК РФ может наступить лишь при условии, что судебный акт впоследствии был отменен – ибо без этого он не может считаться неправосудным.⁷⁰

Действительно, по смыслу закона преступление должно признаваться окончанным в случае вынесения любого судебного акта. Законодателем не предусмотрено наличия прямой зависимости момента окончания преступления от времени вступления неправосудного судебного решения в силу. Это обстоятельство совершенно справедливо – ведь вынесенное заведомо незаконное судебное решение может быть отменено еще до его вступления в силу.

Итак, вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта может совершаться только *действием* судьи (судей). Если решение принимает один судья,

⁶⁹ См., например: Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М., 2002. – С. 196; Уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. – М., 1999. – С. 343.

⁷⁰ Уголовное право России. Часть Особенная / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М., 1999. – С. 702.

то оно подписывается им единолично. В случаях принятия коллегиального решения, вынесение заведомо неправосудного судебного решения имеет место, когда под ним поставили подписи все судьи.

Основной состав (ч. 1 ст. 305 УК РФ) имеет формальный характер – преступление считается оконченным в момент подписания судьей (судьями) любого из перечисленных заведомо неправосудных судебных актов.

В качестве **отягчающих обстоятельств** законодатель в ч. 2 ст. 305 УК РФ предусмотрел сопряженность заведомо незаконного приговора с назначением наказания в виде лишения свободы или наступлением тяжких последствий в результате вынесения незаконного приговора.

Отметим следующее. Во-первых, квалифицированный состав исследуемого преступления носит формально-материальный характер. Сопряженность незаконного приговора с лишением свободы означает, что в нем назначено указанное наказание, вне зависимости от того, отбывалось ли оно незаконно приговоренным или нет. И такой подход законодателя вполне уместен: более жесткой уголовно-правовой оценке подлежит не факт незаконного по существу лишения свободы в результате вступления в силу незаконного приговора, а только назначение этого наказания. Тем более, что вступление или невступление такого приговора в силу роли не играет.

Во-вторых, наступление «иного тяжкого последствия» носит оценочный характер. В литературе справедливо отмечалось, что таковыми последствиями могут выступать наступление серьезного заболевания невиновно осужденного, его само-

убийство, освобождение опасного преступника и пр.⁷¹ Соглашаясь с пониманием «иных тяжких последствий», отметим, что они обычно связываются с причинением вреда интересам невинно осужденного лица либо иных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

В силу действующей редакции закона остается неясным, влечет ли наступление тяжких последствий при вынесении заведомо неправосудного решения по гражданскому, арбитражному, административному делу либо в порядке конституционного судопроизводства уголовную ответственность по ч. 2 ст. 305 УК РФ.

Зададим вопрос: может ли неправосудное решение по гражданскому, административному, арбитражному делу либо делу, рассматриваемому в порядке конституционного правосудия, повлечь последствия, требующие дифференцированной, более жесткой уголовно-правовой оценки?

Конечно, может. Ущерб от неправосудных приговоров по гражданским и арбитражным делам может составлять грандиозные суммы; ущерб деловой репутации юридических лиц может привести к краху. Наконец, государству подобного рода действиями также возможно причинить самый серьезный вред (тем более, что одной из основных целей реформ является создание «благоприятного имиджа» России).

Из этих же посылок исходит и судебная практика. Так, в качестве тяжких последствий при должностных злоупотреблениях Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 30 марта 1990 года назвало «крупные аварии, длительную остановку транспорта или производственного процесса, дезорганизацию работы учреждения, предприятия, срыв выполнения на-

⁷¹ Курс российского уголовного права. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2002. – С. 890.

родно-хозяйственных заданий, нанесение государству материального ущерба в особо крупных размерах, причинение смерти или тяжких телесных повреждений хотя бы одному человеку и т.п.»⁷²

Полагаем, что, в случае наступления подобного рода иных тяжких последствий, в законе должна быть однозначно отражена возможность вменения ч. 2 ст. 305 УК РФ при вынесении неправосудного решения по любой категории дел. В связи с этим считаем целесообразным изложить диспозицию ч. 2 ст. 305 УК РФ в следующей редакции:

«То же деяние, повлекшее тяжкие последствия, а равно вынесение незаконного приговора суда к лишению свободы, - наказывается...»

Отметим, что предлагаемую редакцию диспозиции ч. 2 ст. 305 УК РФ поддержали 60% наших респондентов.

⁷² Бюллетень Верховного Суда СССР. - 1990. - № 3. - С. 16.

§ 3. Субъективные признаки вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта

А) Субъект

Субъекту преступления как элементу состава преступления в российском уголовном праве уделяется значительное внимание.

Правильное и всестороннее рассмотрение этой проблемы теснейшим образом связано с привлечением лица к уголовной ответственности, в частности, с осуществлением уголовно-правовой квалификации общественно опасного деяния.

Понятие субъекта преступления предполагает выяснение широкого круга вопросов, включающих, с одной стороны, установление правовых признаков, характеризующих субъекта преступления в уголовном праве, и, с другой стороны, раскрытие социально-юридического, морального облика преступника.

Оба эти аспекта имеют важное теоретическое значение. Соответственно признаки и свойства субъекта преступления условно можно подразделить на две группы: криминологические свойства и признаки уголовно-правового характера.

Личность преступника (одно из основных понятий уголовного права и ряда других отраслей права) и субъект преступления – не совпадающие понятия. Признаки, характеризующие субъекта преступления, являются элементами состава преступления. Их наличие обосновывает возможность привлечения лица к уголовной ответственности. Поэтому они выступают в качестве необходимых условий наступления уголовной ответственности. Однако этих признаков недостаточно для решения других правовых вопросов: о виде и мере наказания, приме-

няемого к виновному, об освобождении от наказания и пр.

Решение указанных вопросов возможно лишь на основе тщательного изучения и учета признаков, характеризующих личность преступника.

Таким образом, в группе признаков уголовно-правового характера выделяется подгруппа, включающая в себя сравнительно немногочисленный перечень. Сюда относятся только те особенности субъекта преступления, которые имеют значение для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности.

С уголовно-правовой точки зрения субъект преступления - это лицо, совершившее преступления и обладающее указанными в уголовном законе признаками (свойствами).⁷³

Эти свойства отражены в уголовном законодательстве в качестве признаков состава, характеризующих субъекта преступления. Признаки субъекта преступления сравнительно немногочисленны. В этом, в частности, проявляется принцип равенства всех граждан перед законом (ст. 4 УК РФ). Российское законодательство не дифференцирует уголовную ответственность лиц в зависимости от их расовой, национальной принадлежности, сословия, профессии. Индивидуальные особенности личности преступника оказывают довольно ограниченное влияние на уголовно-правовую квалификацию совершенного им общественно опасного деяния.

Субъектом преступления в отечественном уголовном праве может быть только физическое лицо - человек. Совершенное от имени юридического лица то или иное преступление не делает его субъектом преступления. Юридическое лицо не может

⁷³ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. - М., 1996. - С. 179-182.

нести уголовную ответственность за совершенное деяние.⁷⁴ Субъектом преступления и здесь остаются те физические лица, которые его фактически совершили.

Таким образом, российское уголовное право продолжает исходить из классического принципа личной ответственности виновного в совершении преступления. Уголовный закон называет только два признака общего субъекта преступления как физического лица – его возраст и вменяемость. Как правило, признаки общего субъекта в норме Особенной части УК не указаны и сформулированы в Общей части уголовного законодательства. Если в статье Особенной части появляется указание на любой иной признак субъекта преступления, то речь идет о специальном субъекте данного преступления, который обязан и способен нести уголовную ответственность именно за это преступление.

Именно такое положение вещей имеет место в ст. 305 УК РФ, где прямо указывается субъект – судья (судьи). Следовательно, вынести заведомо неправосудное судебное решение может только специальный субъект.

В доктрине специальным субъектом преступления признается лицо, которое, кроме необходимых признаков субъекта (вменяемость и достижение определенного возраста), должно обладать еще особыми дополнительными признаками, ограничивающими возможность привлечения других лиц к уголовной ответственности за совершение конкретного преступления.⁷⁵

Поэтому в плане общего учения о составе преступления признаки специального субъекта преступления называют фа-

⁷⁴ Вопрос о возможности признания юридических лиц субъектами российского уголовного права является в настоящее время одним из самых дискутируемых.

⁷⁵ Устименко В.В. Специальный субъект преступления. – Харьков, 1989. – С. 8.

культативными, поскольку применительно к учению о составе преступления считается, что признаки, которые характерны не для всех составов преступлений, а входят лишь в некоторые из них, именуется факультативными.

Иное назначение эти признаки приобретают в конкретном составе преступления, где они предусмотрены. Здесь они обязательны наряду с вменяемостью и возрастом уголовной ответственности.

Специфика квалификации преступлений со специальным субъектом состоит в том, что она, как правило, начинается с установления признаков специального субъекта преступления.

В соответствии со ст. 4 ФЗ РФ «О статусе судей», дублирующей известные конституционные положения, судьей может быть гражданин РФ, достигший 25 лет, имеющий высшее юридическое образование, стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет, не совершивший порочащих его поступков, сдавший квалификационный экзамен и получивший рекомендацию квалификационной коллегии судей. При этом судьей вышестоящего суда может быть гражданин РФ, достигший 30 лет, а судьей Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ – достигший 35 лет и имеющий стаж работы по юридической профессии не менее десяти лет.

Все судьи в России обладают единым статусом. Особенности правового положения некоторых категорий судей, включая судей военных судов, определяются федеральными законами, а в случаях, предусмотренных федеральными законами (мировые судьи), также законами субъектов Российской Федерации. Особенности правового положения судей Конституционного Суда РФ определяются ФКЗ РФ «О Конституционном Суде». Особо отметим, что присвоение судье квалификационного класса не

означает изменение его статуса относительно других судей в Российской Федерации.

Лицо может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, только в том случае, когда оно наделено соответствующими полномочиями и приступило к исполнению обязанностей судьи. Общий порядок наделения судей полномочиями определен в ст. 6 ФЗ РФ «О статусе судей».

Итак, конструкция ст. 305 УК РФ жестко ограничивает фигурой судьи круг лиц, способных нести ответственность за вынесение заведомо неправосудного судебного решения.

Следовательно, в силу прямого указания закона, иные лица, участвующие в отправлении правосудия (например, присяжные, арбитражные заседатели и т.д.) не могут нести ответственность по ст. 305 УК РФ, даже если они и подписывают какое-либо судебное решение.

При определении специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, наиболее спорен вопрос о том, может ли им быть лицо, исполняющее обязанности судьи.

В соответствии со ст. 7¹ ФЗ «О статусе судей», к осуществлению правосудия в качестве судьи, кроме исполнения обязанностей судьи Конституционного Суда РФ, может быть привлечен с его согласия судья, находящийся в отставке, на срок до одного года в случае наличия вакантной должности судьи, либо в случае временного значительного увеличения объема работы в суде, либо в случае отсутствия судьи или приостановления его полномочий. Привлечение судьи, находящегося в отставке, к исполнению обязанностей судьи производится председателем вышестоящего суда при наличии положительного заключения квалификационной коллегии судей.

Буквальное прочтение данной нормы позволяет нам ут-

верждать, что *лицо, исполняющее обязанности судьи* является субъектом изучаемого преступления, так как он выносит от лица государства официальные судебные решения. Это положение тем более верно, что действующее законодательство признает возможность признания должностными не только лиц, постоянно являющихся представителями власти, но и выполняющих обязанности представителей власти (в т.ч. и судебной) временно или по специальному полномочию (примечание к ст. 285 УК РФ).

В) Субъективная сторона

Субъективная сторона преступления является его внутренней характеристикой, и представляет собой психическое отношение лица к совершенному им преступлению. Без наличия у субъекта определенного, закрепленного в уголовном законе внутреннего отношения к совершенному им деянию, он не может быть привлечен к уголовной ответственности, даже если в совершенном деянии присутствуют все объективные признаки того или иного состава преступления.

Главным признаком, образующим субъективную сторону преступления, является вина. В соответствии с ч. 1 ст. 5 УК РФ, лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

Согласно ч. 1 ст. 24 УК РФ, виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. Таким образом, УК РФ предусматривает две формы вины.

Употребление в ст. 305 УК РФ термина «заведомо» не-

правосудные приговор, решение или иной судебный акт позволяет утверждать, что это преступление совершается только умышленно.

В силу ст. 25 УК РФ, при совершении преступления с прямым умыслом лицо сознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит неизбежность или реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. Интеллектуальный момент прямого умысла характеризуется, прежде всего, сознанием общественно опасного характера совершаемого виновным деяния. Интеллектуальный момент прямого умысла характеризуется предвидением лицом неизбежности, или реальной возможности (вероятности) наступления общественно опасных последствий. Волевой момент прямого умысла характеризуется желанием лица наступления тех последствий, которые охватывались его предвидением.

При косвенном умысле лицо, совершая преступление, осознает общественно опасный характер совершенного деяния, предвидит возможность (вероятность) наступления его общественно опасных последствий и, хотя и не желает, но сознательно допускает их наступления. Косвенный умысел отличается от прямого умысла как по интеллектуальному, так и по волевому моменту. Интеллектуальный момент косвенного умысла, в части сознания общественно опасного характера деяния аналогичен прямому умыслу. Отличия имеются в характере предвидения общественно опасных последствий: интеллектуальный момент прямого умысла включает предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий, что исключено в косвенном умысле.

Основное отличие между прямым и косвенным умыслом заключается в волевом моменте, характеризующим направленность

воли человека. Волевой момент косвенного умысла, характеризуется сознательным допущением виновным общественно опасных последствий совершенного деяния.

Но в ст. 25 УК РФ определены виды умысла применительно к преступлениям с материальными составами, ведь интеллектуальный и волевой моменты законодательно определенных видов умысла устанавливаются в зависимости от наличия предполагаемых или наступивших последствий.

Но основной состав вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта по конструкции является исключительно формальным – его объективная сторона предполагает совершение виновным определенных действий, вне зависимости от наступления или ненаступления каких-либо последствий.

В преступлениях с формальными составами допускается только прямой умысел, причем его интеллектуальный момент заключается в осознании лицом фактического характера своего общественно опасного деяния, а волевой – в желании его совершения.⁷⁶ Сам факт допущения косвенного умысла по отношению к деянию противоречит презумпции виновности – ибо невозможно допущение виновным собственного действия, возможно только желание совершения такового.

Итак, субъективная сторона изучаемого преступления может выражаться только в *прямом умысле* виновного. Тем не менее существует немало особенностей в понимании и установлении субъективной стороны вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

В мыслительном процессе судей установление фактов составляет область неформализованного, содержательного мышле-

⁷⁶ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. – 1996. – С. 209–218.

ния с преобладанием индуктивных процессов, тогда как правовая оценка деяния представляет собой строгий силлогизм, где большая посылка (в виде, например, состава преступления) заранее определена законом.⁷⁷

Как следует из диспозиции ст. 305 УК РФ, уголовная ответственность по этой статье наступает в случае вынесения судьей (судьями) заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта, не соответствующего объективной истине (фактическим обстоятельствам дела).

В советской юридической науке была сформулирована точка зрения, согласно которой содержание истины составляют как установленные по делу факты, так и их правовая оценка⁷⁸.

Доказывание по делу – не просто установление фактов. Это процесс «идентификации сущности»⁷⁹ – той, которая была абстрагирована законодателем из единичных общественно опасных деяний и воплощена в законе, и той, которая характеризует данное конкретное деяние.

С учетом уголовно-правовых составов формулируется предмет доказывания по уголовному делу, производится «отбор» фактов и их уголовно-правовая оценка – тесно связанные между собой мыслительные процессы, протекающие, как правило, параллельно. Однако на отдельных этапах доказывания один из этих мыслительных процессов может стать преобладающим.

Так, убедившись в относимости исследуемого факта и

⁷⁷ Резник Г.М. Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1969. – С. 87.

⁷⁸ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1972. – С. 51.

⁷⁹ Сизякин О.Т. Гносеологическая природа судопроизводства. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Львов, 1971. – С. 7.

допустимости средства доказывания (здесь может преобладать правовая оценка), суд переходит к выяснению вопроса о его доказанности, которая правом не установлена и определяется на основе внутреннего убеждения суда. Дифференцированное (а не только совместное) рассмотрение вопросов о доказанности фактических обстоятельств дела и уголовно-правовой оценке деяния предпринимается судом и при постановлении приговора⁸⁰.

Следует согласиться с мнением М.С. Строговича, отметившего: «При всей связи вопросов фактической и юридической сторон рассматриваемого судом дела, каждая из этих групп вопросов представляет самостоятельную научную проблему большого практического значения и поэтому может быть предметом самостоятельного исследования».⁸¹

В подтверждение прямого умысла на вынесение виновным судьей неправосудного судебного решения суды при рассмотрении дел чаще всего ссылались на многолетний стаж работы подсудимого в судебных органах, на наличие у него необходимых профессиональных знаний, из чего следовало, что он не мог не осознавать противоправность своих действий.

Например, признавая виновным председателя городского суда Йошкар-Олы Ф.⁸² в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассматривая дело по первой инстанции, указала в приговоре следующее.

Вынося определение об освобождении имущества ТОО «Мо-

⁸⁰ Арсеньев В.Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе. Автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук. - М., 1967. - С. 8.

⁸¹ Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. - М.-Л., 1955. - С.14.

⁸² Архив Верховного Суда РФ. Дело № 5-68/92.

ноблок» от ареста и приговор в отношении Х. с нарушением требований гражданско-процессуального и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих разбирательство дела в судебном заседании с обязательным извещением лиц, участвующих в деле, принимая указанные решения по материалам, неисследованным в судебном заседании, Ф., проработавший в должности судьи 12 лет, не мог не осознавать, что он выносит заведомо неправосудные акты, которые не могут быть признаны законными и обоснованными. С учетом изложенного несоблюдение подсудимым требований закона вследствие случайной процессуальной ошибки (именно на это ссылался Ф.), как признал суд, исключена.

Рассматривая жалобу осужденного, суд кассационной инстанции признал его доводы несостоятельными, а обвинительный приговор – законным и обоснованным.

В то же время, когда действительно судьей была допущена ошибка вследствие неправильной оценки доказательств, неверного применения материального и процессуального закона, это не дает оснований для привлечения его к уголовной ответственности по ст. 305 УК РФ. Однако небрежность, ненадлежащее исполнение судьей своих обязанностей вследствие недобросовестного отношения к службе, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан, могут квалифицироваться как преступление, предусмотренное ст. 293 УК РФ.

Так, например, в уже упоминавшемся деле по обвинению М. подсудимый был признан виновным в вынесении неправосудного судебного решения в отношении А. и халатности, повлекшей нарушение прав и законных интересов гражданки П. и иные тяжкие последствия. Последнее преступление, как установил

суд, совершено М. при таких обстоятельствах.

Являясь судьей городского суда, М. в июне 1995 г. принял к своему производству уголовное дело в отношении П. по обвинению ее в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 130 УК РСФСР. Из-за неявки П. 16 июня 1995 г. в судебное заседание М. вынес постановление, которым объявил розыск П. и изменил ей меру пресечения на заключение под стражу, после чего не предпринял в соответствии с законом своевременных мер к рассмотрению уголовного дела с учетом того обстоятельства, что данное уголовное дело не представляло особой сложности и было небольшим по объему.

Имея реальную возможность для рассмотрения дела по существу в разумные сроки, М. ненадлежащим образом исполнил свои должностные обязанности по осуществлению правосудия, что повлекло за собой существенное нарушение прав и законных интересов П., выразившееся в изоляции последней от общества в течение двух лет пяти месяцев двадцати шести дней и наступлении иных тяжких последствий в виде ухудшения физического и психического состояния здоровья П., потери ею жилья и имущества.

Как следует из материалов уголовных дел о вынесении неправосудных судебных актов, определенные сложности в ходе расследования возникают в связи с необходимостью доказывания мотива, которым руководствовался обвиняемый, вынося неправосудное судебное решение (если, разумеется, такие действия не были связаны с получением взятки, когда корыстный мотив – очевиден).

Следователи подчас, предъявляя обвинение по ст. 305 УК РФ, вообще не указывают мотив, которым руководствовался обвиняемый, полагая, что он не влияет на юридическую оценку

содеянного.

Действительно, с точки зрения материального права, мотив действий виновного на квалификацию по ст. 305 УК РФ не влияет. Вместе с тем, ст. 73 УПК РФ устанавливает, что при производстве по уголовному делу подлежит доказыванию не только виновность лица в совершении преступления, форма его вины, но и мотивы совершения деяния.

Это специально подчеркнул Президиум Верховного Суда РФ, рассматривая 26 июня 2002 г. по протесту заместителя Генерального прокурора РФ уголовное дело по обвинению судьи К., которое направлялось для производства дополнительного расследования. В качестве одного из оснований принятия такого решения судья указал, что в нарушение требований ст. 68 УПК РСФСР (ныне ст. 73 УПК РФ) следователем не установлен мотив преступления, который является обязательным элементом умышленного преступного деяния. Это обстоятельство – невосполнимый пробел следствия, не позволяющий рассмотреть дело по существу.

Президиум Верховного Суда РФ решение судьи в этой части признал обоснованным, поскольку при производстве предварительного расследования подлежит доказыванию не только событие умышленного преступления и виновность обвиняемого, но и мотив преступления как неотъемлемая составная часть его субъективной стороны.

По настоящему делу эти требования закона не выполнены, мотив преступления, в совершении которого обвиняется К., в постановлении о привлечении его в качестве обвиняемого и в описательной части обвинительного заключения не указан. Это нарушает право обвиняемого на защиту, объективно препятствует назначению судебного разбирательства и являет-

ся существенным нарушением уголовно-процессуального закона, дающим основание к направлению уголовного дела для дополнительного расследования.

В отдельных случаях законодатель, устанавливая ответственность за совершение тех или иных общественно опасных деяний, вносит в диспозицию статей Особенной части УК специфические субъективные признаки, уточняющие характер совершенного действия или бездействия.

В качестве такого признака изучаемого преступления надо назвать «заведомость», которая определяет качественную субъективную характеристику деяния. Нельзя не отметить, что в подобной характеристике содержится и особенное психическое отношение субъекта к совершаемому поступку.

Значение слова «заведомый» в уголовном праве зависит от конкретного преступления, состав которого содержит данный признак. Заведомость означает «осведомленность, несомненность, т.е. достоверность, неоспоримость».⁸³ Толкование слова «заведомость» имеет важнейшее значение для уяснения правильного содержания и смысла уголовно-правовой нормы.

Исходя из исторического и современного толкования слова «заведомость»⁸⁴ можно утверждать, что совершая то или иное преступление виновный бесспорно знает об истинном характере своего поведения.

Неправильные действия судьи могут быть допущены и в самом процессе установления фактических материалов дела, и именно они нередко служат причиной вынесения заведомо несправедливого приговора, решения или иного судебного акта.

⁸³ Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. 2. - М., 1979. - С. 536.

⁸⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 15-е изд. - М., 1984. - С. 177.

Судья может преднамеренно нарушить требования процессуального закона. Например, в целях ускорения судопроизводства судья преднамеренно не вызывает в суд всех необходимых свидетелей, экспертов, переводчиков или допускает существенную неполноту судебного следствия. Налицо явная недобросовестность судьи, за которую он может быть привлечен к уголовной ответственности, даже если выводы, изложенные в приговоре, в конечном счете, подтвердятся.

Судья может нарушить требования закона также по незнанию, и это может помешать ему в установлении истины. Например, не зная научных возможностей экспертизы, суд может отклонить обоснованное ходатайство участника процесса в ее проведении, а это, в свою очередь, может привести к судебной ошибке в выводах. Небрежность судей в обеспечении строгого соблюдения процедуры судебного разбирательства может привести к появлению процессуальных оснований для отмены приговора.

В широком смысле слова понятием вынесение неправосудного приговора, решения или иного судебного акта, охватывается любое неправильное решение суда по любому из вопросов, подлежащих разрешению в суде. В частности, суд может неосновательно отклонить или удовлетворить гражданский иск или неправильно исчислить его сумму, неправильно разрешить вопросы о том, как поступить с вещественными доказательствами, на кого возложить судебные издержки, оставить или отменить меру пресечения. Возможны ошибки в установлении причин и условий, способствовавших преступлению.

Вопросам возникновения судебных ошибок посвящено большое количество исследований, в частности, А.И. Уемов в популярном изложении показал, как нарушение элементарных

законов логики порождает такого рода ошибки .⁸⁵

Вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта – это не ошибка, а результат прямого умысла, преследуемый в уголовном порядке.

Судебная ошибка как результат незнания фактов или искажения их правовой оценки представляет собой добросовестное заблуждение судей, что в свою очередь исключает уголовную ответственность.

В ряде случаев судебные ошибки с субъективной стороны не вполне охватываются понятием добросовестного заблуждения. Речь идет о тех случаях, когда судья понимает, что вывод, который он сделал, не вытекает в полной мере из имеющихся в деле доказательств.

Этот вывод самому судье представляется не вполне доказанным, спорным, сомнительным. Однако судья все-таки делает его, надеясь, что, быть может, он не ошибся, и в то же время сознавая, что риск ошибки существует. В основе столь сложного отношения судьи к своим выводам могут лежать различные соображения и психологические состояния. Нередко это связано с опасением отмены приговора вышестоящим судом по протесту прокуратуры, полагающей, что собранных доказательств достаточно для вынесения приговора.

Речь идет иногда и о противоречии между признанным в судебной практике допустимым уровнем доказанности преступления и внутренним убеждением данного судьи, считающего этот уровень невысоким, не исключающим возможности судебных ошибок.

Указанное противоречие нередко решается в пользу «допустимых стандартов» судебной практики, к которым приобща-

⁸⁵ Уемов А.И. Логические ошибки. – М., 1958. – С. 44-45.

ется судья. Постепенно субъективное ощущение не доказанности преступления может уступать место признанию «допустимых стандартов». Если общепризнанно, что при данной совокупности доказательств можно вынести обвинительный приговор, то судья иногда так и поступает, хотя где-то в глубине души у него остается сомнение и неудовлетворенность.

В данном случае, скорее всего, нет заведомого осуждения невиновного, так как велика надежда, что осуждение правильно, но нет и добросовестного заблуждения, поскольку совесть говорит судье, что не полностью исключена вероятность ошибки. Но судья поступает «как все», в соответствии с «допустимыми стандартами», и при этом, возможно полагать, что в противном случае приговор будет отменен и другой судья все равно вынесет приговор, соответствующий устоявшейся практике по сходным делам.

Частным случаем рассматриваемой ситуации бывает снижение «стандарта доказанности», если совершено тяжкое преступление, вызывающее у судей и публики чувство гнева и возмущения. Судья понимает, что при данной совокупности доказательств осуждение невиновного не в полной мере исключается, а эмоционально он не может устоять перед вынесением обвинительного приговора, тем более, что надеется на поддержку общественности и «снисходительность» вышестоящих инстанций.

Рассматриваемый вид судебных ошибок, когда нет заведомого осуждения невиновного, но нет и внутреннего сознания собственной добросовестности, чрезвычайно опасен, так как свидетельствует о неспособности отдельных судей противостоять сложившейся неправильной, с их точки зрения, практике, об их постепенном приспособлении к стандартам этой

практики.

Вообще говоря, «стандарты доказанности преступления», выработанные судебной практикой, ориентируют судей на установление истины. Это особенно важно для начинающих судей. Однако для некоторых категорий уголовных и гражданских дел указанные стандарты в отдельные периоды недостаточно высоки, что создает опасность осуждения на основе высокой степени вероятности.

Если ошибка в установлении главного факта есть недостоверный, неистинный результат судебного исследования, то частные судебные ошибки допускаются в ходе самого исследования. Именно из частных ошибок суда вырастает общий ошибочный вывод о виновности (невиновности) подсудимого в совершении инкриминированного ему преступления.

В этой связи уместно напомнить известное высказывание К. Маркса: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинным, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге».⁸⁶

Если в системе фактических данных, лежащих в основе вывода о виновности (невиновности), имеются данные сомнительные или ложные, если остались без надлежащей проверки обстоятельства, противоречащие выводам суда, изложенным в приговоре, либо, в процессе доказывания были допущены существенные нарушения процессуального закона, то эти дефекты доказывания частного характера нередко определяют и общий неверный вывод суда.

Например, если опознание обвиняемого потерпевшим ока-

⁸⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. — С. 7–8.

залось ошибочным и последний после вынесения приговора от него отказался, то это может и не повлечь отмену приговора, если обвиняемый был достоверно опознан другими потерпевшими и свидетелями (в данном случае искомым доказательственный факт установлен меньшим числом средств доказывания). «Явление избыточности» доказательств может еще в большей мере наблюдаться и при оправдании подсудимого (этот аспект обычно выпадал из поля зрения исследователей).

Опровержение отдельного оправдательного доказательства довольно часто не приводит к выводу о виновности. Так, известны случаи, когда по просьбе обвиняемого и его родственника свидетели давали ложные показания об отдельных обстоятельствах дела, т.е. «придумывали» оправдательные доказательства в связи с тем, что следствие велось необъективно, и защитить себя законными методами обвиняемый не мог. Незаконные методы следствия и судебного разбирательства нередко порождают и незаконные методы защиты у человека, который преступления не совершал, но доказать этого не может из-за предвзятости следователя и суда.

Уличив такого человека во лжи и опровергнув искусственно созданные им доказательства, иногда полагают, что вина его теперь доказана. Напрасно. Для такого вывода необходимо не только опровергнуть все оправдательные доказательства, но и найти достаточные доказательства виновности.

Из этого следует, что если некоторые доводы кассационного протеста прокурора на оправдательный приговор подтвердились, то это не всегда предопределяет отмену приговора.

Выделяя процессуальные нарушения, следует иметь в виду, что они могут рассматриваться в двух планах, а именно:

как действие (бездействие) суда, выражающееся в нарушении (несоблюдении) им норм процессуального права,⁸⁷ и как акт познания (результат процессуальных нарушений), вследствие чего истиной объявляется то, что не доказано, поскольку соблюдение процессуальных форм входит в понятие доказывания в уголовном судопроизводстве.

Практика не без основания расширяет число указанных в законе существенных нарушений процессуального закона, влекущих отмену приговора, решения или иного судебного акта, поскольку дать исчерпывающий их перечень не представляется возможным. Отсюда трудности в определении критериев, позволяющих отделить существенные нарушения процессуального закона от менее существенных, преодолеваемые благодаря изучению и обобщению судебной практики.

Существенные нарушения уголовно-процессуального закона, например, могут сделать неправосудным не только обвинительный, но и оправдательный приговор, поскольку они ставят под сомнение его обоснованность.

Отмена оправдательного приговора возможна, например, при стеснении в правах потерпевшего, гражданского истца. С другой стороны, нарушение права обвиняемого на защиту не должно повлечь отмену оправдательного приговора, поскольку обвиняемому удалось отстоять свои законные интересы, несмотря на нарушение этого права. Однако, не отменяя приговор, вышестоящий суд обязан в этих случаях реагировать на нарушения закона путем вынесения частного определения.

Складывающееся на практике соотношение между признаваемыми существенными и менее существенными нарушениями

⁸⁷ Под это определение подпадают и такие случаи, когда нарушение закона допущено кем-либо из других участников процесса, а суд не потребовал его устранения, тем самым и суд нарушил закон.

форм судопроизводства характеризует достигнутый уровень судебной работы во всех инстанциях. Чем выше этот уровень, тем большее число процессуальных нарушений признается существенными и влечет отмену приговоров, решений или иных судебных актов.

Однако и здесь имеется разумный предел, ибо признание существенным любого процессуального нарушения, самого незначительного, и отмена в связи с этим приговора с последующим доследованием или новым рассмотрением дела в суде означало бы господство юридического формализма, пренебрежение здравым смыслом.

Поэтому презумпция отсутствия факта, если при его установлении были допущены судом менее существенные процессуальные нарушения, является опровержимой: она может быть опровергнута другими собранными по делу доказательствами, а иногда и новыми материалами, представленными в вышестоящий суд.⁸⁸

С учетом изложенного под понятие вынесения неправоудного решения, в смысле неправильного действия подпадают любые нарушения процессуального закона, допущенные судом.

Конечно, соблюдение форм судопроизводства еще не всегда гарантирует достижение истины, а отступление от этих форм не всегда влечет искажение существа дела. Разумеется, процессуальное право не может претендовать на роль «определителя» истинного знания по конкретному делу. Но изучая большую совокупность однородных случаев, право прибегает к презюмированию, т.е. выведению закономерностей, характеризующих в целом статистический коллектив. Презумпции, ука-

⁸⁸ Способом реагирования на допущенные судом менее существенные нарушения являются частные (особые) определения вышестоящего суда.

занные в нормах права, приобретают силу закона. Конечно, с этим нельзя не считаться, определяя истину и ошибку в судебном процессе. Приговор, основанный на недопустимых, с точки зрения закона, доказательствах считается (презюмируется) неистинным, ошибочным. В данном случае мы имеем дело с недоказанным утверждением суда, поскольку отдельные (или даже все), обосновывающие его аргументы являются порочными в силу прямого указания закона. Это указание не произвольно, оно исходит из того, что упомянутые аргументы в подавляющем большинстве случаев порочны и по существу, т.е. неистинны, ложны, ибо получены без соблюдения установленной законом процедуры, гарантирующей достоверность вывода и охрану прав граждан, участвующих в процессе. Если же для отдельных случаев допускать отступление от этого правила, то в конечном счете это отрицательно скажется на судебной практике – количество незаконных судебных актов возрастет.

Нередко после устранения процессуальных нарушений суд при новом рассмотрении уголовного дела выносит «такой же» приговор. Это не означает, однако, что первый приговор не был ошибочным и что такие случаи не следует учитывать как судебные ошибки.

Дело в том, что вновь вынесенный приговор – не совсем «такой же», как и первый, поскольку содержащийся в нем вывод логически обоснован доказательствами, безупречными в юридическом отношении. В первом же приговоре логическое основание вывода как будто то же, однако истинность посылок (всех или некоторых) берется под сомнение самим законодателем (более того, они вообще презюмируются отсутствующими), поэтому и общий вывод суда считается недоказанным.

После устранения процессуальных нарушений, если это не вызвало изменения содержания сведений о фактах (доказательствах), новый приговор по характеру вывода и его оснований не отличается от первого. При изменениях в доказательственном материале, вызванных устранением процессуальных нарушений, новый приговор может существенно отличаться от первого и выводом о главном факте (вместо «виновен» – «невиновен» и наоборот), и юридической квалификацией деяния, и мерой наказания.

Некоторые процессуальные нарушения при рассмотрении дела в суде восполнить уже невозможно (например, осмотр места происшествия и изъятие вещественных доказательств производились без понятых). Полученные таким способом доказательства, ошибочно использованные для обоснования приговора, при новом рассмотрении дела в суде должны быть признаны недопустимыми. Понятно, что отказ от их использования для обоснования приговора может существенно повлиять на характер вывода суда.

Подводя итоги исследованию субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, следует обратить внимание на следующие выводы. Данное преступление может совершаться только с прямым умыслом по отношению к деянию, так как в диспозицию включен конститутивный признак – заведомости, определяющий однозначную осведомленность судьи о том, что выносимый им приговор, решение или иной судебный акт является неправосудным.

В то же время нельзя исключать косвенный умысел виновного по отношению к такому квалифицирующему последствию, как наступление иных таких последствий в результате вынесения заведомо неправосудного решения.

Мотивы, которыми руководствовался судья при его вынесении, а также цели, которые он преследовал, на квалификацию не влияют, но могут учитываться судом при назначении наказания в качестве смягчающих или отягчающих ответственность обстоятельств. Однако они подлежат обязательному рассмотрению, так как это определено требованиями положений уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В некоторых случаях они могут свидетельствовать о намерении судьей совершить иное преступление (например, получение взятки, вымогательство, укрывательство и т.п.)

Сложность при определении умысла виновного представляет решение вопроса о так называемой «судебной ошибке», которой посвящен первый параграф следующей главы.

Глава III. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЫНЕСЕНИЕ ЗАВЕДОМО НЕПРАВОСУДНОГО ПРИГОВОРА, РЕШЕНИЯ ИЛИ ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА

§ 1. Проблема судебной ошибки

Одним из основных направлений судебной реформы является улучшение качества рассмотрения дел в судах. Достижение этой цели предполагает осуществление большого количества мероприятий, ориентированных на минимизацию количества судебных ошибок. Ошибки в разрешении вопросов судопроизводства нуждаются в самостоятельном изучении в связи с проблемой повышения эффективности соответствующих процессуальных институтов.

Нас же интересует ответ на вопрос: в какой мере соотносятся судебная ошибка и вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта?

Судебная ошибка может выразиться в неправильном истолковании судом правовых понятий, характеризующих состав преступления, особенно в случаях, когда эти понятия носят общий характер и не раскрываются в законе.

Ошибка в квалификации преступления может быть следствием ошибки в установлении фактов, образующих состав преступления. В результате ошибок в установлении фактов преступное деяние может быть квалифицировано как преступление или, наоборот, преступное деяние — как правомерное.

Иногда, даже при правильном истолковании правовых понятий, характеризующих состав преступления, достоверном и полном установлении юридически существенных фактов все же

возможны и допускаются ошибки логического характера, состоящие в неправильном подведении фактов под признаки состава преступления. Иными словами, преступное деяние квалифицируется не по той статье Уголовного кодекса, которую надлежало применить.

Осуждение невиновного возможно как в случаях, когда на момент вынесения обвинительного приговора невиновность положительно доказана, однако суд ошибочно считает, что обвиняемый виновен, так и в случаях недоказанной виновности.

Эти два случая в юридическом отношении равнозначны, ибо недоказанная виновность (если возможности для собирания доказательств исчерпаны) юридически приравнивается к доказанной невиновности: в обоих случаях должен быть вынесен оправдательный приговор, полностью и без всяких изъятий реабилитирующий подсудимого.

Судебные ошибки, выражающиеся в осуждении невиновного и оправдании преступника, в свою очередь, могут быть разделены на несколько разновидностей.

Вполне обоснованны предложения ряда авторов о необходимости разделить основание оправдания, связанное с недоказанностью, на два основания:

- 1) недоказанность совершения подсудимым преступления;
- 2) доказанность совершения преступления не обвиняемым.⁸⁹

Если же суд вместо этого выносит обвинительный приговор, то он допускает одинаково серьезную ошибку как при положительно доказанной невиновности, так и при недоказанной виновности.

⁸⁹ См.: Маликов М.Ф. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1974. – С. 8.

Гносеологически же указанные два случая существенно отличаются. При положительно доказанной невинности суд по существу находит фактические основания, достаточные для категорического утверждения, что обвиняемый не совершил преступления, однако иногда в силу тех или иных причин делает ошибочный вывод противоположного характера. Такие ошибки сравнительно редки.

При недоказанной виновности суд находит некоторые доказательства, дающие основание для более или менее вероятного предположения о том, что преступление, возможно, совершил обвиняемый. Но, с другой стороны, у суда нет достаточных оснований для того, чтобы в гносеологическом плане достоверно утверждать: обвиняемый преступления не совершал. С точки зрения теории познания суд при недоказанной виновности обвиняемого истину не устанавливает, так как гносеологически остается не установленным, кто совершил преступление – обвиняемый или другое лицо, оставшееся неизвестным.

Трудно согласиться с мнением М.С. Строговича⁹⁰ и Р.М. Оганесяна,⁹¹ полагающими, что при оправдании подсудимого за недоказанность его участия в совершении преступления суд обнаруживает истину, которая состоит в утверждении, что данный подсудимый не совершал данного преступления.

В данном случае, на наш взгляд, имеет место смешение гносеологических и юридических категорий: подсудимый презюмируется невинным (юридически это равнозначно положительно доказанной невинности), а кто в действительности совершил преступление, он или другое лицо – этот вопрос гно-

⁹⁰ Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. – М.-Л., 1947. – С. 252.

⁹¹ Оганесян Р.М. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1970. – С. 23.

сеологически остается не решенным, и, значит, истина оказывается судом не установленной.

Если, с точки зрения суда, имеется возможность дополнительно собрать и исследовать доказательства, чтобы расширить фактическую основу для решения вопроса о виновности, — он возвращает дело на доследование. Если же такой возможности нет, то суд обязан вынести оправдательный приговор даже при весьма высокой степени вероятности того, что преступление, возможно, совершил подсудимый.

Сомнение в наличии хотя бы одного элемента главного факта, объективно обусловленное недостаточностью доказательств, толкуется в пользу обвиняемого, который юридически должен быть признан невиновным. К такому решению приводит судей не только твердая их уверенность в невиновности обвиняемого, но и неуверенность в его виновности. Закон, юридически приравнивающий недоказанную виновность к доказанной невиновности, исходит из давно сформулированного положения: лучше позволить некоторому числу преступников, вину которых не удалось доказать, уклониться от правовой ответственности, чем обрушить уголовную репрессию на головы невиновных.

Правильность этого положения подтверждена историческим опытом и не может вызывать сомнений, осуждение невиновного — более опасный вид судебных ошибок, чем оправдание преступника.

Вынесение же обвинительных приговоров при недоказанной виновности вытекает из прямо противоположного ошибочного представления: покарать вместе с преступниками и некоторое число невиновных якобы эффективнее в смысле предупреждения преступности.

Можно ли считать судебной ошибкой все те случаи, ко-

гда суду из-за недостатков предварительного следствия не удалось установить истину по делу, и он вынес оправдательный приговор за недоказанность события или других элементов состава преступления, или недоказанность участия подсудимого в совершении преступления? Конечно, нет. Это правильный приговор, законный и обоснованный, хотя истина как цель процесса им не установлена.

Такая ситуация возможна в случаях, когда следственным органам не удалось собрать достаточно доказательств, для вывода о виновности, следствие уже не может дать эффекта и у суда нет возможности восполнить пробелы в доказательственном материале.

Констатируя невозможность установления истины по делу, суд не допускает ошибку – наоборот, он исправляет ошибку следственных органов, представивших в суд необоснованное обвинительное заключение. Сама такая констатация истинна лишь в том смысле, что она адекватно отражает действительно сложившуюся ситуацию – недостаточность доказательств, для достоверного вывода, как о виновности, так и о невиновности. Довольно часто перед судом ставят непосильную задачу – во что бы то ни стало установить истину, хотя доказательств, для этого недостаточно и собрать недостающие доказательства из-за просчетов предварительного следствия уже не представляется возможным.

Неустановление истины судом нельзя рассматривать как судебную ошибку и в случаях прекращения дела за примирением сторон по делам частного обвинения (оскорбление, клевета, побои и т.д.), или при отсутствии жалобы потерпевшего по делам частного-публичного обвинения. В этих случаях закон охраняет личные интересы граждан ценой отказа от поиска исти-

ны по уголовному делу.

Не будет допущена судебная ошибка и тогда, когда дело прекращено ввиду истечения сроков давности уголовного преследования или по амнистии, хотя бы не все элементы предмета доказывания были установлены. Однако установление самого события преступления и лица, его совершившего, в этих случаях следует считать обязательным. Для прекращения дела ввиду смерти обвиняемого достаточно доказательств, что преступление совершено данным лицом.

Возникает и такой вопрос, охватываются ли понятием судебной ошибки случаи, когда доказательств, для вывода о виновности недостаточно, однако вынесен обвинительный приговор, отмененный затем с возвращением дела на доследование, которое позволило собрать недостающие доказательства и вынести при новом рассмотрении дела в суде на этот раз законный и обоснованный обвинительный приговор? Подавляющее большинство отмены обвинительных приговоров приходится именно на эти случаи.

Ответ на поставленный вопрос далеко не очевиден. Достаточно сказать, что в прокуратуре и судах указанные случаи, хотя и включаются в общий процент отмены приговоров, влияющий на оценку качества их работы, однако далеко не всегда входят в понятие «осуждение невиновного», поскольку при доследовании и новом рассмотрении дела в суде виновность обвиняемого, в конечном счете, подтверждается.

Одной из разновидностей судебных ошибок являются скрытые, не выявленные судебной системой ошибки.

Скрытые ошибки могут быть любого вида — осуждение невиновного, оправдание преступника, неправильная уголовно-правовая квалификация деяния, назначение излишне сурового

или мягкого наказания и т.д.

На наш взгляд уровень скрытых ошибок — один из важных показателей эффективности правосудия, особенно деятельности судов, призванных обнаруживать и исправлять судебные ошибки (кассационные и надзорные инстанции). Ведь более трети приговоров обжалуется и опротестовывается в кассационном порядке.

Интуитивно можно полагать, что ошибочные обвинительные приговоры (их, по нашим данным, основанном на анализе дел, рассмотренных Ставропольским краевым судом, 95% от всех ошибочных приговоров) в подавляющем большинстве обжалуются необоснованно осужденными.

И все-таки далеко не все ошибки выявляются в кассационном порядке. Исключительный, надзорный порядок пересмотра приговоров позволяет обнаружить и исправить дополнительно почти столько же судебных ошибок, сколько было выявлено кассационными инстанциями (причем почти 30% уголовных дел, пересмотренных Ставропольским краевым судом в порядке надзора, ранее были предметом рассмотрения кассационных инстанций, которые по этим делам ошибок не выявили).

Но возможности надзорных инстанций ограничены. Несмотря на большое количество надзорных жалоб (их в два раза больше, чем кассационных), уголовные дела при поступлении жалоб истребуются сравнительно редко (по нашим данным, в 18-20% случаев поступления жалоб).

Таким образом, есть основания полагать, что какое-то количество судебных ошибок остается неисправленным. В это число входят также ошибки, содержащиеся в необжалованных приговорах (по нашим данным обжалуется в кассационном порядке примерно третья часть всех приговоров).

Особенно это относится к случаям, когда суд идет на «компромисс» и недоказанная виновность иногда заменяется мягким наказанием, при этом отдельные граждане не знают положение закона о недопустимости «поворота к худшему» при кассационном обжаловании приговоров и потому не всегда обжалуют приговоры. Некоторые ошибки, наоборот, не вскрываются и не фиксируются в статистике именно благодаря правилу о недопустимости «поворота к худшему» для обвиняемого, подавшего кассационную жалобу. Строго говоря, такие ошибки не являются скрытыми. Однако следовало бы учитывать их в статистической отчетности, поскольку и они характеризуют качество работы судов первой инстанции.

Сами надзорные инстанции иногда тоже ошибаются, о чем свидетельствует отмена и изменение надзорных постановлений вышестоящими судебными инстанциями (по материалам практики Ставропольского краевого суда эти цифры составляют: 4% от всех отмененных и измененных надзорными инстанциями приговоров и 2% от всех ошибочных приговоров судов первой инстанции).

О наличии скрытых ошибок иногда становится известно благодаря вмешательству прессы, ученых, видных общественных и государственных деятелей.

Определенный процент вступивших в законную силу приговоров или решений судов содержит скрытые ошибки, это:

- ошибки, не выявленные самой судебной системой, до получения сигнала о них, от не имеющих отношения к делу лиц и органов - научных работников, и т.д. (ошибки, выявленные в результате подачи надзорных жалоб осужденными или их адвокатами, в число латентных ошибок при таком их понимании не входят);

– ошибки, выявленные и исправленные судебными органами (в том числе надзорными инстанциями) по прошествии условно определенного достаточно длительного времени после вступления в законную силу ошибочного приговора (имеется в виду, что ошибки, не обнаруженные в первый год после их допущения, в ряде случаев остаются не исправленными).

Исследованием данной проблемы занимались некоторые ученые,⁹² которые при определении понятия «скрытая судебная ошибка» отдавали предпочтение ошибкам первого вида, так как обнаруживаются действительно латентные, не выявленные судами ошибки. Во втором варианте понятие скрытой ошибки не вполне «чисто». Речь идет, все-таки, о выявленных судебной системой ошибках, однако выявление, которых произошло не сразу, а через длительное время.

Можно, конечно, признать скрытыми все ошибки, исправляемые в порядке надзора, независимо от срока, прошедшего от вынесения приговора до обнаружения ошибки надзорной инстанцией. Для такой постановки вопроса есть некоторые основания, потому что надзорный порядок исправления судебных ошибок, по замыслу законодателя, – исключительный. Его применение во многом зависит от усмотрения соответствующих должностных лиц, при этом осужденный и защитник в заседании надзорной инстанции, как правило, не участвуют.

Если подходить к определению скрытых ошибок с таким критерием, то, как видно из статистики Ставропольского края, надзорные инстанции исправляют около 40% всех судеб-

⁹² Анашкин Г.З., Петрухин И.Л. Эффективность правосудия и судебные ошибки // Советское государство и право. – 1968. – № 8. – С. 66; Бойков А.Д. Изучение причин судебных ошибок // Социалистическая законность. – 1968. – № 8. – С. 25.

ных ошибок (в ряде субъектов Российской Федерации это число достигает 60–70%).

Однако на практике надзорный порядок исправления судебных ошибок перестал быть исключительным (в смысле объема работы по обнаружению ошибок). Поэтому вряд ли приемлем метод, основанный на выявлении скрытых ошибок лишь на основе официальных данных судебной статистики.

Сложен и не исследован вопрос о научной методике выявления распространенности и динамики скрытых судебных ошибок.

Можно предложить метод выявления скрытых судебных ошибок путем выборочного изучения уголовных дел различных категорий. Целесообразно изучать не сразу ошибки всех видов, а отдельно ошибки в доказанности преступления, в квалификации, мере наказания и т.д. Было бы неверно изучать уровень этих ошибок без учета характера преступлений, так как он будет различен применительно к разным составам преступлений.

Можно предположить, например, что скрытых ошибок, выражающихся в недостаточной доказанности обвинения, будет больше по делам о преступлениях, совершаемых чаще всего без свидетелей (изнасилование, дача взятки, и т.п.) и меньше — по делам о преступлениях, совершаемых чаще всего публично (хулиганство, грабеж и т.п.). Понятно, что трудности доказывания преступления, сочетаемые с изменениями практики судов по борьбе с отдельными видами преступлений, имеют значение для обоснованных предположений об уровне скрытых ошибок того или иного вида.

Перед исследователем неизбежно возникает проблема выборки, которая должна быть достаточной для характеристики

всего массива уголовных дел данной категории. В данном случае, необходимо использовать достижения других наук, в частности социологии.⁹³

Верификация (подтверждение) мнения о наличии скрытой ошибки возможна несколькими способами, которые применялись параллельно или последовательно.

1) Обсуждение каждого сомнительного дела группой исследователей с тем, чтобы мнение о наличии скрытой ошибки было коллегиальным.

2) Применение метода экспертных оценок. В качестве «экспертов» приглашались ученые юристы (представители общественности), не связанные привычками и мнениями, выработанными практикой, но хорошо знающие не только теорию, но и практику. Каждому эксперту предоставлялись точные характеристики дел, предварительно признанных сомнительными. Предлагалось высказаться по изучаемому вопросу: считает ли он обвинение доказанным, считает ли он квалификацию правильной и т.д. Во избежание тенденциозности экспертам предоставлялись первичные документы не только на сомнительные, но и на бесспорные дела. При этом эксперт не знал, как предварительно оценили эти дела исследователи.

Суммарные мнения экспертов позволили выявить дела, по которым судебные ошибки остались не выявленными.

3) Опрос осужденных по заранее изученным сомнительным делам после полного отбытия наказания с разъяснением им процедуры, гарантирующей невозможность «поворота к худшему».

⁹³ Количественные методы в социологии / Под ред. В.Н. Шубина. - М., 1966; Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. - М., 1969; Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. - М., 1972; и др.

В связи с приведенным выше перечнем уголовно-правовых ошибок необходимо отметить, что все виды судебных ошибок, в конечном счете, сводятся к двум основным последствиям: оправдание виновного, либо осуждение невинного. Они, безусловно, в одинаковой мере способствуют росту преступности и подрывают престиж органов правосудия.

В любом случае, вне зависимости от вида, судебная ошибка, в результате которой вынесен объективно неправосудный приговор, решение или иной судебный акт, исключает признак заведомости, а, следовательно, исключает возможность наступления уголовной ответственности по ст. 305 УК РФ.

Необходимо согласиться с позицией В.Н. Кудрявцева о том, что такая судебная ошибка «может при соответствующих условиях квалифицироваться как халатность».⁹⁴ Действительно, если причиной судебной ошибки стало ненадлежащее исполнение судьей своих должностных обязанностей по отправлению правосудия, то изначальным объектом такого посягательства является интерес авторитета государственной власти как таковой. Тем более, что субъективное отношение виновного в данном случае не может характеризоваться прямым умыслом в отношении действия в виде вынесения заведомо неправосудного судебного решения.

⁹⁴ См.: Курс российского уголовного права. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2002. – С. 890.

§ 2. Проблема судейского иммунитета

Общеизвестно, что имеют место определенные препятствия при наступлении уголовной ответственности в отношении ограниченного круга лиц, к которым относятся и судьи. В теории уголовного права такой особый порядок наступления уголовной ответственности судей именуется «судейским иммунитетом». Вопрос о значении иммунитета судей для привлечения последних к уголовной ответственности принципиально важен – так как ответственность по ст. 305 УК РФ может иметь место только в случае преодоления такого иммунитета.

Обратимся в начале к общему понятийному аппарату. В литературе уголовно-правовой иммунитет определяется как «нераспространение общих правил об ответственности за правонарушения на определенных лиц, включая освобождение их от ответственности»,⁹⁵ либо как «совокупность особых правил, относящихся к специально оговоренным в законе лицам, регулирующих порядок наступления уголовной ответственности, отличный от общепринятого».⁹⁶ Отметим: не смотря на некоторые несовпадения, природа уголовно-правового иммунитета получила в теории довольно однозначное понимание.

Безусловно то обстоятельство, что наличие того или иного иммунитета от уголовной ответственности ни в коем случае не декриминализирует деяния. Совершенное преступление (включая и изучаемое) продолжает оставаться таковым, а особенности наступления уголовной ответственности выражают-

⁹⁵ Наумов А. Иммунитет в уголовном праве // Уголовное право. – 1998. – № 2. – С. 23

⁹⁶ Кибальник А.Г. Иммунитеты в уголовном праве. – Ставрополь, 1999. – С. 7–8.

ся в наличии тех или иных установленных в законодательстве препятствий.

Какова материально-правовая сущность судейского иммунитета?

Еще в XIX веке в европейских странах сформировалось положение об иммунитете судей от всех видов юрисдикции. Так, в 1883 г. в решении по делу *Munster v. Lamb* было указано, что иммунитет судьи необходим для того, чтобы при отправлении правосудия они (т.е. судьи) «не должны были судить со злобой и фальшью», и «общий иммунитет судей от ответственности необходим ... для уважения их честности... Этот иммунитет должен обеспечить отсутствие напряженности, тревоги и страха... Суды должны быть бдительны, оберегая этот иммунитет от косвенных и прямых нападок».⁹⁷

Правовой иммунитет судьи рассматривается как гарантия независимости судопроизводства и в американской законодательной практике. Так, сенатор Хефлин (Heflin) в докладе комиссии по обсуждению законопроектов отметил, что «необходимость закрепления в конце XIX века иммунитета судьи была вызвана тем, чтобы все судьи, применяя закон независимо и свободно... сами находились под защитой закона. Эта гарантия закона – не в целях потворствования злобному или подкупленному судье, но для пользы общества, в интересах которого то, чтобы судья был свободен при исполнении своих функций, независим и не имел страха и сомнений... Возможность судьи независимо принимать решение по делу – краеугольный камень нашей юридической системы... обеспокоенность судьи возможным судебным преследованием против него усилит

⁹⁷ Beck A. Trial of a high court judge for defamation? // Law quartal review. – London, 1987. – Vol. 103. – P. 461-462.

его робость при принятии решения».⁹⁸

Суммируя вышесказанное, можно говорить о том, что в качестве обоснования иммунитета в уголовно-правовой доктрине стран Запада выдвинуты два положения: а) обеспечение независимости и непредвзятости судопроизводства; б) защита судьи в свободное от работы время. Следовательно, факт наличия уголовно-правового иммунитета судьи основан на идее функциональной (служебной) необходимости законного отправления правосудия.

В отечественном законодательстве также обосновывалось функциональное назначение иммунитета судей от уголовной юрисдикции. Согласно ст. 36 «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве в СССР» в редакции Закона СССР от 25 июня 1980 года, судьи и народные заседатели не могли быть привлечены к уголовной ответственности «при исполнении ими своих обязанностей», то есть при отпращивании правосудия. К тому же наступление уголовной ответственности связывалось с получением согласия соответствующего Президиума Верховного Совета (республиканского или союзного).⁹⁹

Российский законодатель в ч. 4 ст. 16 ФЗ РФ «О статусе судей» расширил объем судейского иммунитета, распространив его на любые деяния судьи, а не только связанные с отпращиванием правосудия. К тому же вопрос о возможности привлечения судьи к уголовной ответственности был отдан на рассмотрение специального органа – квалификационной коллегии судей.

⁹⁸ Judicial immunity: Hearing before the Subcommittee on courts and administrative practice of the Commission on the judiciary, US Senate, 101st Congress, 1st session on S. 590. October, 25, 1989. – Washington, 1990. – P. 3-4.

⁹⁹ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1980. – № 22. – Ст. 545.

Особо отметим указание Конституционного Суда России о том, что иммунитет судьи является «средством защиты публичных интересов, и прежде всего интересов правосудия»¹⁰⁰, представляется что распространение иммунитета судьи от уголовной ответственности за пределы действий по отправлению правосудия противоречит функциональной предназначенности судейского иммунитета.

К сожалению, иммунитет судей от не нашел отражения в тексте уголовного закона. Согласно ст. 122 Конституции России и ст. 16 Федерального Конституционного Закона РФ от 31 декабря 1996 года «О судебной системе Российской Федерации»,¹⁰¹ судьи неприкосновенны, и уголовно-правовой аспект этой неприкосновенности заключается в том, что они не могут быть привлечены к уголовной ответственности иначе, как в порядке, определяемом федеральным законом.

Иммунитет судей конкретизирован в ст. 16 Федерального Закона РФ «О статусе судей». Во-первых, судья не может быть привлечен к любой (в том числе и уголовной) ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое решение, если вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена его виновность в преступном злоупотреблении.

Во-вторых, возбуждение против судьи любого уголовного дела, а также привлечение судьи к уголовной ответственности возможно только при согласии соответствующей квалификационной коллегии судей. Инициировать возбуждение уголовного де-

¹⁰⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 1996 г. «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша» // Собрание Законодательства РФ. – 1996. – № 14. – Ст. 1549.

¹⁰¹ Собрание Законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

ла против судьи может только Генеральный прокурор или исполняющее его обязанности лицо.

Казалось бы, вырисовываются две разновидности иммунитета судей общих, арбитражных и военных судов (согласно п. 1 ст. 2 Закона «О статусе судей», правовое положение судей Конституционного Суда РФ определяется федеральным конституционным законом), а именно:

1) служебный иммунитет (выраженное мнение или решение при отправлении правосудия);

2) общеуголовный иммунитет, распространяющийся в отношении всех преступлений, совершенных судьей.

В любом случае для возбуждения уголовного дела в отношении судьи и наступления уголовной ответственности требуется, в силу положений ст. 448 УПК РФ 2001 года, соблюдение следующих обязательных условий:

- в отношении судьи Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, суда субъекта РФ, федерального арбитражного суда, окружного (флотского) военного суда - а) представление Генерального Прокурора РФ; б) заключение коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда РФ, о наличии в действиях судьи признаков преступления; в) согласие Высшей квалификационной коллегии судей РФ;

- в отношении *иных* судей - а) представление Генерального Прокурора РФ; б) заключение коллегии, состоящей из трех судей верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, о наличии в действиях судьи признаков преступления; в) согласие соответствующей квалификационной

коллегии судей.

Как отметил Конституционный Суд России в вышеуказанном Постановлении от 7 марта 1996 года, отказ квалификационной коллегии судей в возбуждении уголовного дела против судьи «не является непреодолимым препятствием». По всей видимости, сейчас речь должна идти об отказе квалификационной коллегии в отношении *иных* судей. Действительно, п. 26 Положения о квалификационных коллегиях судей¹⁰² допускает обжалование решения квалификационной коллегии об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи в Высшую квалификационную коллегию судей России.

Кроме того, согласно ч.ч. 1,2 ст. 46 Конституции РФ, действия и решения государственных органов, в результате которых нарушены права и свободы гражданина или созданы препятствия осуществлению гражданином его прав и свобод, могут быть обжалованы в суд. Никаких исключений из этого конституционного принципа не допускается.

Таким образом, решение квалификационной коллегии судей об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи, может быть преодолено либо обращением в Высшую квалификационную коллегию судей, либо обжалованием этого решения в суде. А наличие уголовно-правового иммунитета судьи не означает невозможности его привлечения к уголовной ответственности, в том числе и при вынесении заведомо незаконного судебного решения.

Данное утверждение подтверждается складывающейся практикой Верховного Суда РФ.¹⁰³

Несколько по другому регламентирован иммунитет судей

¹⁰² Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 24. – Ст. 856.

¹⁰³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1993. – № 4. – С. 10–11.

Конституционного Суда РФ. В соответствии со ст. 15 Федерального Конституционного Закона РФ от 21 июля 1994 года «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹⁰⁴ выделяются два вида иммунитета судей Конституционного Суда:

1) Абсолютный иммунитет в отношении мнения, выраженное в заседании Конституционного Суда, а также решения, принятого Конституционным Судом. На этот иммунитет не распространяются сроки давности привлечения к уголовной ответственности и после истечения полномочий судьи Конституционного Суда (согласно ст. 12 этого же Закона, однократный срок полномочий установлен в 12 лет).

2) Относительный иммунитет в отношении всех других деяний. Наступление уголовной ответственности в этом случае ставится в зависимость от согласия самого Конституционного суда РФ. Причем полномочия судьи, в отношении которого дано согласие на привлечение к уголовной ответственности, приостанавливаются. А, в случае вынесения обвинительного приговора, они прекращаются (ст. ст. 17, 18 ФКЗ РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

В соответствии со ст. 448 УПК РФ, для возбуждения уголовного дела в отношении судьи Конституционного Суда Российской Федерации необходимы:

- а) представление Генерального Прокурора РФ;
- б) заключение коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда РФ, о наличии в действиях судьи признаков преступления;
- в) согласие самого Конституционного Суда РФ.

Итак, законодательство России предусматривает, по сути дела, две разновидности уголовно-правового иммунитета

¹⁰⁴ Собрание Законодательства РФ. - 1994. - № 13. - Ст. 1447.

судей. С одной стороны, это иммунитет судей общих, арбитражных, военных и мировых судов, а с другой – иммунитет судей Конституционного Суда РФ.

Таким образом, судьи, являясь субъектами преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, несут уголовную ответственность только в случае преодоления уголовно-правового иммунитета в установленном законом порядке. Речь идет о том, что судья, являясь субъектом уголовного правоотношения по факту совершения им преступления, в процедурном плане может подлежать ответственности в случае преодоления иммунитета.

Как уже говорилось, нераспространение на судей общих правил наступления уголовной ответственности имеет и другое значение. В случае, когда иммунитет судьи не преодолен, такой судья должен быть освобожден от уголовной ответственности по ст. 305 УК РФ (как, впрочем, и по любой другой статье уголовного закона).

Говоря другими словами, наличие судейского иммунитета, не устраняющего преступность деяния, представляет собой обстоятельство, в силу которого судья должен освобождаться от уголовной ответственности (ведь преодоление иммунитета позволяет уголовной ответственности наступить на общих основаниях).

В литературе высказана идея единой регламентации освобождения от уголовной ответственности при наличии иммунитета. По мнению авторов, в такой уголовно-правовой норме должны быть отражены следующие моменты:

- лицо обладает иммунитетом в силу правового предписания;
- иммунитет может быть преодолен в установленном по-

рядке, следствием чего будет наступление уголовной ответственности на общих основаниях;

- время действия иммунитета связано с наличием специального статуса лица, то есть исчезновение этого статуса влечет исчезновение и иммунитета.¹⁰⁵

Специальный (иммунитетный) статус судьи может быть аннулирован, в соответствии с ФЗ РФ «О статусе судей», по целому ряду других оснований: отставка судьи, переход на другую работу, увольнение судьи военного суда с военной службы и пр. (ст. 14).

Кроме того, судьи мировых судов избираются на определенный срок - истечение последнего также лишает, в случае не переизбрания, бывшего мирового судью иммунитетного статуса.

Так как наличие иммунитета у судей является нереабилитирующим основанием освобождения от уголовной ответственности, то надо особо остановиться на вопросе о соотношении судейского иммунитета и давностного срока привлечения к уголовной ответственности.

В соответствии с ч. 2 ст. 78 УК, сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу. В случае совершения лицом нового преступления сроки давности по каждому преступлению исчисляются самостоятельно.

Верховный Суд России уточнил, что срок давности привлечения к уголовной ответственности исчисляется «с момента совершения преступления до предъявления лицу обвинения».¹⁰⁶

¹⁰⁵ См.: *Кибальник А.* Иммунитет как основание освобождения от уголовной ответственности // *Российская юстиция.* - 2000. - № 8. - С. 35.

¹⁰⁶ *Бюллетень Верховного Суда РФ.* - 1997. - № 7. - С. 18-19.

Речь идет о том, что предъявить лицу обвинение можно только в указанный в ст. 78 УК промежуток времени. Причем юридическая оценка деяния дается применительно к моменту его совершения (ч. 1 ст. 9 УК РФ).

Аналогичную позицию разделяет сектор уголовного права и криминологии Института государства и права РАН, указавший в ответе на запрос Генеральной прокуратуры РФ № 15/2-3759-92 от 14 апреля 1997 года, что при отказе соответствующей инстанции на привлечение депутата к уголовной ответственности «этот отказ носит временный характер и ограничен временем обладания соответствующим лицом статуса депутата. После потери лицом такого статуса вопрос о привлечении этого лица решается на общих основаниях, разумеется, в пределах сроков давности привлечения к уголовной ответственности».¹⁰⁷

Прекращение действия иммунитета в связи с утратой судьей особого юридического статуса (например: соответствующее решение трех судей соответствующего суда и квалификационной коллегии судей, отставка судьи) означает возможность наступления уголовной ответственности только при соблюдении давностного срока. Лишь истечение этого срока «реабилитирует» преступление и преступника. И освобождение от ответственности по причине наличия иммунитета не может считаться окончательным решением, снимающим с лица все правовые последствия содеянного.

В силу принципа справедливости, «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» (ч. 2 ст. 6 УК РФ). Так при освобождении от уголовной ответственности лицо ее и не несет. Давностный срок влияет только на процессуальное привлечение к уголовной ответст-

¹⁰⁷ Архив Института государства и права РАН.

венности. Освобождение от уголовной ответственности – специфическая форма реализации уголовного правоотношения. Срок давности привлечения к уголовной ответственности может влиять на возобновление прекращенных ранее правоотношений.¹⁰⁸ Возобновиться они могут только в связи с юридически значимым обстоятельством. Последним как раз и выступает преодоление уголовно-правового иммунитета судьи.

Применительно к изучаемому составу преступлению все вышесказанное означает следующее.

1. Наличие у судьи уголовно-правового иммунитета не декриминализует совершенное им преступление – в частности, вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

2. Наступление уголовной ответственности судьи за совершенное преступление возможно в следующих случаях: а) при преодолении иммунитета в порядке, установленном федеральным законодательством (ст. 448 УПК РФ); б) при аннулировании судейского статуса лица (например, отставка, переход на другую работу, истечение сроков полномочий мирового судьи и прочие основания, установленные ст. 14 ФЗ РФ «О статусе судей»).

3. При привлечении судьи к уголовной ответственности, в любом случае, необходимо учитывать срок давности привлечения к уголовной ответственности, текущий с момента совершения им преступления. Преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 305 УК РФ, являются соответственно преступлениями средней тяжести и тяжким преступлением. Следовательно, возможность привлечения к уголовной ответственности за вынесе-

¹⁰⁸ Наумов А. Правовые последствия освобождения виновного от уголовной ответственности // Советская юстиция. – 1976. – № 20. – С. 10-11.

ние заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, может иметь место, если преодоление иммунитета либо аннулирование судейского статуса состоялись в рамках сроков давности, предусмотренных ст. 78 УК РФ.

Теперь необходимо остановиться на вопросе о *процессуальных особенностях уголовной ответственности судей*, вытекающих из наличия судейского уголовно-правового иммунитета.

В разделе XVII УПК РФ 2001 года впервые появились статьи, регулирующие особенности производства по уголовным делам в отношении судей, где предусмотрены процедурные положения, предусматривающие специальный порядок возбуждения и направления в суд уголовных дел, а также правила применения к судьям мер принуждения и их привлечения в качестве обвиняемых.

Несомненно, что большое количество правовых особенностей, предусмотренных названным разделом УПК, требует от правоприменителя тщательного их изучения и соблюдения с тем, чтобы не оказаться в ситуации, когда допущенные при расследовании уголовного дела нарушения специальных процессуальных правил окажутся причиной прекращения дела либо постановления судом оправдательного приговора. Практика привлечения к уголовной ответственности лиц, наделенных иммунитетом, свидетельствует о значительных сложностях, связанных с доказыванием виновности обвиняемых, деяния которых, как правило, связаны с ненадлежащим исполнением ими своих должностных обязанностей, и о не единичных случаях ошибок, допускаемых следователями и прокурорами при возбуждении таких дел, их расследовании и направлении в суд для рассмотрения.

Характер возникающих сложностей и имевших место ошибок можно проследить по результатам рассмотрения Верховным Судом РФ уголовных дел, возбужденных в 2001–2002 гг. в отношении судей районных судов.

В тех случаях, когда уголовное дело было возбуждено в отношении судьи только с согласия квалификационной коллегии судей, а расследование продолжалось и после 15 декабря 2001 г., то при рассмотрении такого дела судом вполне мог возникнуть вопрос о том, не надо ли было до предъявления судье обвинения запрашивать также заключение коллегии из трех судей о наличии в действиях судьи признаков преступления, ведь при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения.

По уголовному делу, возбужденному с согласия квалификационной коллегии судей в сентябре 2001 г.¹⁰⁹ в отношении председателя районного суда С. (Чувашская республика). Обвинение С. (по п. «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ) предъявлялось 28 февраля 2002 г., т.е. уже после вступления в силу новой редакции закона «О статусе судей РФ», однако заключение коллегии из трех судей о наличии в действиях С. признаков преступления истребовано не было.

Правда, судом первой инстанции по делу постановлен обвинительный приговор (С. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ), однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев 2 октября 2002 г. кассационную жалобу осужденного на приговор и признав доводы жалобы несостоя-

¹⁰⁹ Здесь и далее в параграфе использованы материалы Архива Верховного Суда РФ за 2001–2002 гг.

тельными, тем не менее приговор в отношении С. отменила, а дело производством прекратила на основании п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В определении суда кассационной инстанции, в частности, указано, что несмотря на то, что расследование уголовного дела в отношении судьи С. производилось в период действия нового закона, органы следствия и суд требования его не выполнили, ограничились только получением согласия квалификационной коллегии на возбуждение уголовного дела в отношении С. Действующее же уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможности возвращения уголовного дела на новое расследование для устранения указанных нарушений, лишен такой возможности и суд первой инстанции, поэтому дело подлежит прекращению в связи с отсутствием заключения суда о наличии в действиях С. признаков преступления.

Принесенный на это определение заместителем Генерального прокурора РФ протест в порядке надзора постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2002 г. отклонен со ссылкой на ст. 405 УПК РФ, которая не допускает поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора.

Особый порядок привлечения судей к уголовной ответственности, несмотря на его жесткую регламентацию, может привести к возникновению и других проблем в процессе расследования, которые могут быть вызваны, например, нарушением 10-дневного срока рассмотрения представления прокурора, неявкой судьи, в отношении которого внесено представление, и его адвоката в судебное заседание, в котором должен решаться вопрос о наличии либо отсутствии в действиях судьи признаков преступления (ч. 2 ст. 448 УПК РФ).

В связи с возбуждением уголовного дела по факту вынесения неправосудных судебных решений и.о. Генерального прокурора 21 сентября 2002 г. внес в квалификационную коллегию судей Краснодарского края представление о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности судьи Центрального районного суда г. Сочи К. Поскольку представление длительное время не рассматривалось, 13 ноября 2001 г. следователем предварительное следствие было приостановлено по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 195 УПК РСФСР – не установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. После получения согласия квалификационной коллегии расследование было возобновлено.

В последствии, когда дело поступило для рассмотрения в Верховный Суд РФ, судья своим постановлением от 5 марта 2002 г. направил его для производства дополнительного расследования (УПК РСФСР это допускал), сославшись на то, что возобновление расследования и установление прокурором срока дополнительного следствия в порядке ч. 4 ст. 133 УПК РСФСР было незаконным, поскольку в этом случае необходимо было руководствоваться требованиями ч. 3 ст. 133 УПК РСФСР и возбудить ходатайство перед Генеральным прокурором РФ о дальнейшем продлении срока расследования.

На это постановление судьи заместителем Генерального прокурора принесен протест, который Кассационная коллегия Верховного Суда РФ оставила без удовлетворения.

Однако, когда спор был перенесен в Президиум Верховного Суда РФ, вывод судьи о нарушении органами следствия уголовно-процессуального закона признан несостоятельным, при этом Президиум учел следующие обстоятельства.

После приостановления производства по делу какие-либо

следственные действия не производились, а в отношении К. и не могли производиться из-за отсутствия согласия квалификационной коллегии судей на привлечение его к уголовной ответственности. Таким образом, на момент приостановления предварительного следствия лица, которое могло бы быть привлечено в качестве обвиняемого, не было, поскольку вопрос о возможности предъявления обвинения К. еще только решался. При таких условиях принятое следователем процессуальное решение о приостановлении производства по делу нельзя признать необоснованным.

После же того, как квалификационная коллегия судей дала согласие на привлечение К. к уголовной ответственности, отпали основания для приостановления производства по делу и оно было возобновлено. Срок следствия в соответствии с ч. 4 ст. 133 УПК РСФСР установлен надзирающим прокурором в пределах одного месяца, а все дальнейшие следственные действия выполнены в течение этого срока.

Однако, если вопрос о возможности приостановления производства по делу из-за несвоевременного рассмотрения судом и квалификационной коллегией судей представления прокурора уже получил разрешение в постановлении Президиума Верховного Суда РФ, то практика применения ч. 2 ст. 448 УПК РФ (рассмотрение постановления прокурора с участием лица, в отношении которого внесено представление, и его защитника) еще только формируется.

Как уже указывалось, по результатам рассмотрения представления прокурора коллегия из трех судей должна дать заключение о наличии либо отсутствии признаков преступления в действиях судьи, о котором идет речь в представлении.

Отсутствие же заключения коллегии судей о том, что в

действиях судьи содержатся признаки преступления, означает, что уголовное дело не может быть возбуждено, а уже возбужденное подлежит прекращению (п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Из этого видно, сколь велико значение решения коллегии судей для лица, о привлечении которого к уголовной ответственности поставил вопрос в своем представлении прокурор, поэтому законодатель и предусмотрел, что представление должно рассматриваться с участием этого лица и его адвоката. Кстати, в отличие от ст. 16 ФЗ РФ «О статусе судей», ч. 2 ст. 448 УПК РФ не содержит разделительного союза «или», из чего следует, что законодатель признал в равной степени обязательным участие в судебном заседании и самого лица, и его защитника. К сожалению, другой нормы – о том, как поступить, если судья и его защитник, будучи заранее уведомленными, о дне рассмотрения представления прокурора, в судебное заседание не явились без уважительной на то причины, закон не содержит, что следует признать пробелом в законодательстве.

В других случаях (при проведении по уголовному делу предварительного слушания, при рассмотрении дела в судебном заседании судами первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций) этот вопрос специально оговорен (ч. 3, 4 ст. 234, ч. 4 ст. 247, ч. 3, 4 ст. 364, ч. 3, 4 ст. 376, ч. 2 ст. 407 УПК РФ).

Скорее всего, законодатель со временем внесет необходимые дополнения и в ч. 2 ст. 448 УПК РФ. Пока же, как представляется, следует исходить из того, что неявка (при отсутствии уважительной причины) в судебное заседание судьи и его защитника для участия в рассмотрении представления прокурора не может служить препятствием такому рассмотре-

нию. Именно так, например, это установлено для случаев разрешения судом жалоб на постановления дознавателя, следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении уголовного дела (ч. 3 ст. 125 УПК РФ). К тому же законом предусмотрен очень короткий срок, в течение которого представление должно быть рассмотрено, – не позднее 10 суток со дня его поступления в суд.

Очевидно, что сложности при применении законодательства, регулирующего особенности привлечения отдельных категорий лиц к уголовной ответственности, могут возникнуть и в связи с тем, что в главе 52 УПК РФ нет прямого указания на возможность обжалования прокурором заключения суда об отсутствии в действиях судьи признаков преступления, тогда как прокурор, обращаясь с представлением, полагал, что такие признаки имеются.

В то же время общие положения, содержащиеся в главе 16 УПК РФ, регулирующей обжалование действий и решений, принимаемых в процессе уголовного судопроизводства, позволяют сделать вывод, что прокурор вправе обжаловать заключение судей.

Так, ст. 123 УПК РФ предусматривает, что участники уголовного судопроизводства (а как указывалось, рассмотрение представления прокурора производится с его участием) могут обжаловать действие (бездействие) и решение суда в установленном Кодексом порядке. Согласно же ч. 1 ст. 127 УПК РФ жалобы и представления на судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу, приносятся в порядке, установленном главами 43, 44, 48 и 49 УПК РФ.

Кстати, в ФЗ РФ «О статусе судей» также указано, что

заключение коллегии в составе трех судей о наличии в действиях судьи признаков преступления, также как и судебное решение об избрании в отношении судьи в качестве меры пресечения заключения под стражу, об осуществлении в отношении судьи оперативно-розыскных мероприятий может быть обжаловано в порядке, установленном федеральным законом.

Сделанные судами при рассмотрении ряда дел указанной категории выводы о допустимости либо недопустимости некоторых доказательств, на которые органы расследования ссылались в подтверждение предъявленного подсудимым обвинения, вероятно будут представлять интерес для следственной практики. Речь пойдет о результатах оперативно-розыскной деятельности, которые, как известно, закон (ст. 89 УПК РФ) разрешает использовать лишь тогда, когда они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам Уголовно-процессуальным кодексом.

Оперативно-розыскные действия должны были быть проведены в соответствии с правилами, предусмотренными федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», а затем на их основе сформированы доказательства, отвечающие уголовно-процессуальным нормам.

Если же оперативно-розыскные мероприятия в отношении федерального судьи проводились в тот период, когда уголовное дело в отношении него еще не было возбуждено, либо он еще не был привлечен в качестве обвиняемого, и если эти мероприятия связаны с нарушением его гражданских прав либо с нарушением его неприкосновенности, то на них распространяются положения, установленные ч. 1 ст. 448 УПК РФ, за исключением получения согласия квалификационной коллегии судей, т.е. такие мероприятия могут проводиться только на ос-

новании решения коллегии, состоящей из трех судей соответственно верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа.

Нарушение этих требований при формировании обвинением доказательств, как правило, приводит к тому, что при рассмотрении дела они признаются судом недопустимыми.

Например, разрешая уголовное дело по обвинению судьи Р. в получении взятки и вынесении заведомо неправосудного приговора, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ исключила из числа доказательств обвинения протокол следственного эксперимента от 18 июня 1998 г., а также аудиозаписи разговоров Р. с Ч. (матерью осужденного, в отношении которого Р. по просьбе Ч. за взятку был вынесен несправедливый вследствие чрезмерной мягкости приговор) и протокол допроса Ч. от 18 июня 1998 года.

Признавая указанные доказательства недопустимыми, Судебная коллегия, в частности, указала следующее. Уголовное дело в отношении Р. было возбуждено следователем на основании материалов оперативной проверки заявления Ч., которые, как было видно из сопроводительного письма, поступили в прокуратуру 18 июня 1998 г. Последним по времени составления документом в указанных материалах был протокол передачи Ч. денежных знаков (для последующей передачи их Р.) с указанием о том, что он был составлен 18 июня 1998 г. в 8 час. 44 мин. Таким образом, к следователю материалы оперативной проверки могли попасть лишь после указанного времени, тогда как допрос Ч. в качестве свидетеля начат в 8 час. 18 июня 1998 г., а следственный эксперимент – в 8 час. 18 мин. того же дня. На основании изложенного Судебная коллегия пришла к

выводу, что следователь проводил указанные следственные действия до возбуждения уголовного дела. Это и явилось основанием для исключения протокола следственного эксперимента и протокола допроса Ч. из числа доказательств.

Проверяя допустимость в качестве доказательства аудиозаписей разговоров Р. с Ч., суд признал достоверным утверждение Ч. о том, что она разговаривала с Р. по заданию работников милиции, которые и осуществляли аудиозапись. Поскольку на проведение этих оперативных мероприятий в отношении судьи разрешение суда получено не было, аудиозапись разговоров Р. с Ч. признана недопустимым доказательством¹¹⁰.

В то же время при рассмотрении уголовного дела в отношении судьи Красносулинского городского суда Ростовской области К., признанной виновной в получении от Ч. взятки в размере 850 долларов США за быстрое и благоприятное рассмотрение гражданского дела по его иску, Верховный Суд РФ, рассматривавший дело по первой инстанции 2 февраля 2001 г., в основу выводов о виновности К. положил показания Ч., которые, как указал суд, согласуются с другими доказательствами и с результатами следственного эксперимента. Согласно протоколу эксперимента 24 апреля 1997 г. начальник УБОП при ГУВД Ростовской области в 9 час. 30 мин. вручил Ч. ранее осмотренные 850 долларов США. В 9 час. 35 мин. Ч. в сопровождении понятых вошел в здание суда, в 9 час. 44 мин. вошел в кабинет судьи К., в 9 час. 47 мин. вышел из кабинета и в сопровождении понятых в 9 час. 50 мин. вышел из здания суда, после чего сотрудниками УБОП произведен его досмотр, во время которого зафиксировано, что переданных Ч. 850-ти

¹¹⁰ По делу Р. постановлен обвинительный приговор, поскольку другие доказательства обвинения Судебная коллегия признала достаточными для вывода о виновности подсудимого.

долларов США при нем не было. В связи с этим оперативным мероприятием, законность проведения которого оспаривалась подсудимой и защитой, Верховный Суд РФ сделал выводы, которые могут иметь значение и при расследовании других уголовных дел.

Отмечая, что оперативное мероприятие с участием Ч. проведено с соблюдением условий, перечисленных в ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», суд указал, что положения ст. 16 Закона РФ «О статусе судей» при этом нарушены не были, поскольку оперативный эксперимент осуществлялся в рамках проверки заявления Ч. В протоколе фиксировались только действия самого заявителя, который против этого не возражал. Оперативные мероприятия в жилище или служебном помещении судьи не проводились. Коридор же здания городского суда является помещением общего пользования, поэтому положения закона о неприкосновенности личной жизни и служебной деятельности судьи в ходе проведения оперативных мероприятий нарушены не были. В кабинет подсудимой, где произошла передача денег, заявитель Ч. зашел в связи с полученной им судебной повесткой и по предварительной договоренности с К. Оперативные средства фиксации действий участников эксперимента в служебном кабинете К. не применялись.

Необходимо специально заметить, что подсудность возбужденного в отношении судьи уголовного дела Верховному Суду РФ закон (ст. 452 УПК РФ) связывает с ходатайством об этом обвиняемого, причем такое ходатайство может быть заявлено в любой момент до начала судебного разбирательства, т.е. до начала предварительного слушания (если оно проводилось) либо до открытия судебного заседания, в котором уго-

ловное дело подлежит рассмотрению.

В связи с этим на практике возник вопрос о том, кто должен утверждать обвинительное заключение, если к моменту окончания предварительного расследования обвиняемый однозначно не высказал желания о том, чтобы дело в отношении него по первой инстанции рассматривал Верховный Суд РФ?

Казалось бы, в таком случае нет оснований считать, что подсудимый заявил предусмотренное ст. 452 УПК РФ ходатайство и потому обвинительное заключение может утвердить надзирающий прокурор.

Однако Президиум Верховного Суда РФ, рассматривая протест заместителя Генерального прокурора РФ на судебные решения, в соответствии с которыми уголовное дело по обвинению судьи М. возвращено для дополнительного расследования (решения принимались в 2001 г.), расценил эту ситуацию иначе.

Органами предварительного следствия М., являвшемуся федеральным судьей, заместителем председателя Магаданского городского суда, предъявлено обвинение в злоупотреблении своими должностными полномочиями и вынесении неправосудных судебных решений. Уголовное дело по обвинению М. по поручению Генерального прокурора РФ расследовано прокуратурой Магаданской области, а обвинительное заключение было утверждено и.о. прокурора той же области. Для рассмотрения по первой инстанции дело поступило в Верховный Суд РФ.

Судья Верховного Суда РФ направил дело для дополнительного расследования, исходя из того, что оно подсудно Верховному Суду РФ и обвинительное заключение должно быть утверждено Генеральным прокурором РФ или одним из его заместителей, наделенных в соответствии с уголовно-

процессуальным законом правом опротестования любого решения этого суда. Однако обвинительное заключение утверждено и.о. прокурора Магаданской области, что судьей, а затем и Кассационной коллегией Верховного Суда РФ признано существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Отклоняя протест заместителя Генерального прокурора РФ, Президиум Верховного Суда РФ в постановлении от 6 марта 2002 г. указал в постановлении по этому делу следующее.

Согласно ст. 16 Закона «О статусе судей» уголовное дело в отношении судьи может быть возбуждено только Генеральным прокурором РФ или лицом, исполняющим его обязанности, при наличии на то согласия соответствующей квалификационной коллегии судей. Согласие на привлечение судьи к уголовной ответственности дается квалификационной коллегией также по представлению Генерального прокурора.

Кроме того, согласно п. 7 ст. 16 ФЗ РФ «О статусе судей» уголовное дело в отношении судьи по его требованию, заявленному до начала судебного разбирательства, должно быть рассмотрено Верховным Судом РФ. Обвиняемый М. еще в стадии ознакомления со всеми материалами дела на предварительном следствии отверг возможность рассмотрения дела Магаданским областным судом, а после направления дела в этот суд заявил ходатайство о рассмотрении дела по первой инстанции Верховным Судом РФ.

Следовательно, по делу, подсудному Верховному Суду РФ, выполнение такого важного процессуального действия как утверждение обвинительного заключения в отношении судьи тоже должно быть осуществлено Генеральным прокурором РФ, или лицом, исполняющим его обязанности, т.е. лицами, наделенными в соответствии с уголовно-процессуальным законом правом

опротестования любого решения этого суда, что соответствует требованиям ст. ст. 211 и 213-215 УПК РСФСР (в настоящее время компетенция прокурора в ходе досудебного производства определена ст. 37 УПК РФ).

Невыполнение этого требования, как правильно указал судья в своем постановлении, является существенным нарушением закона, поскольку ограничивает гарантии неприкосновенности судьи и ущемляет его право на защиту от незаконного задержания, ареста и привлечения к уголовной ответственности.¹¹¹

На основании изложенного можно выделить следующие процессуальные особенности возбуждения и производства уголовных дел в отношении судей, вытекающие из наличия у последних уголовно-правового иммунитета.

1. Согласно п. 5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении судьи, либо о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимается Генеральным Прокурором РФ на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, о наличии в действиях судьи признаков преступления и с согласия соответствующей квалификационной коллегии судей.

2. До введения в действие УПК РФ при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности судей надлежало

¹¹¹ После устранения указанного нарушения дело по первой инстанции рассмотрено Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации, которая признала М. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 293 и ч. 1 ст. 305 УК РФ. Приговор вступил в законную силу.

руководствоваться ст. 16 ФЗ РФ «О статусе судей», которая первоначально устанавливала, что для привлечения к ответственности судьи требуется лишь согласие квалификационной коллегии судей. Однако 15 декабря 2001 г. в этот закон внесены изменения, которые повысили гарантии неприкосновенности судей (впоследствии эти нормы и были включены в УПК РФ). В соответствии с новой редакцией закона, если предварительно коллегия из трех судей не дала заключение о наличии в его действиях признаков преступления, судья не может быть привлечен к уголовной ответственности. Такое заключение должно быть дано в 10-ти дневный срок после поступления в суд соответствующего представления Генерального прокурора РФ с участием уполномоченного им прокурора, а также судьи и (или) его адвоката на основании представленных в суд материалов. Затем заключение вместе с представлением Генерального прокурора РФ направляется в квалификационную коллегию судей, которая также в 10-ти дневный срок должна решить вопрос о даче согласия на привлечение судьи к ответственности либо об отказе в этом.

3. Действующий УПК РФ не предусматривает института возвращения уголовного дела для дополнительного расследования. Подобное нарушение требований ст. 73 УПК РФ может привести к признанию судом недоказанным предъявленного подсудимому обвинения со всеми вытекающими из этого процессуальными последствиями.

§ 3. Пути законодательного предупреждения преступлений против правосудия

В последние годы неоднократно поднимались вопросы эффективности функционирования судебной системы. С точки зрения многих ученых в совершенствовании больше нуждается не статусные проблемы деятельности судей, а эффективность самого правосудия.¹¹²

Достаточно вспомнить ошибки правосудия по привлечению к уголовной ответственности и осуждению к длительным срокам лишения свободы, вынесению приговоров о смертной казни лицам, фактически невиновным в преступлениях.

Риск вынесения ошибочного приговора существовал всегда. Для его уменьшения используются различные меры: устанавливается состязательность правосудия; определяются надзорные и кассационные судебные инстанции; совершенствуются система и деятельность правосудия. Однако применение этих мер чрезвычайно разнопланово и не подчинено единой задаче — исключению риска причинения вреда невиновным.

Решение ее возможно лишь при всесторонней разработке проблемы риска в деятельности по отправлению правосудия. Первым направлением должен быть деятельный анализ ситуаций, возникающих в процессе отправления правосудия.

Изучение проблемы в рамках этого направления показывает, что при отправлении правосудия в процессе расследования преступления и судебного разбирательства возможен риск причинения вреда потерпевшему необоснованным привлечением к уголовной ответственности и осуждением.

¹¹² Зеленин С. Совершенствовать надо не статус судей, а эффективность правосудия // Российская юстиция. — 2002. — №1.

Обратим внимание на то, что не исключена вероятность причинения значительного вреда личности при ошибке должностного лица, отправляющего правосудие. Однако законодательство ни в одном из составов не предусматривает возможности уголовной ответственности при допущении явной ошибки.

Подобное положение представляется нелогичным с позиций теории уголовной ответственности лиц, совершающих преступления при исполнении профессиональных функций. Деятельность по отправлению правосудия, безусловно, является профессиональной, она не может быть осуществлена всеми и каждым, требует специальных знаний, большого жизненного и профессионального опыта, особых нравственных качеств. Отсюда она должна быть урегулирована уголовным правом с общих позиций, устанавливаемых для всех преступлений, связанных с выполнением профессиональных функций.

К таким принципам уголовного права можно отнести:

1) установление возможности несения уголовной ответственности за причинение вреда личности в результате ошибок, допущенных в процессе осуществления профессиональной деятельности;

2) усиление уголовной ответственности, по сравнению с рядовыми гражданами, профессионального работника или должностного лица за совершенные им преступления.

Развивая первое направление в целях логичного и последовательного подхода к установлению уголовной ответственности за все виды профессиональных преступлений, следует предусмотреть уголовную ответственность работников правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование, дознание, отправляющих правосудие, за преступно-небрежное отношение к выполнению своих обязанностей, если

это повлекло причинение тяжких последствий.

В настоящее время лишь грубая ошибка судьи при вынесении приговора, решения, или иного судебного акта, приведшая к тяжким последствиям, может влечь уголовную ответственность, но только за должностное преступление.

В силу того, что в подобной ситуации причиняется вред прежде всего интересам правосудия, интересам личности, а затем подрывается авторитет органов государственного управления, ответственность должна наступать за посягательство на интересы правосудия по статьям главы о преступлениях против правосудия.

Один из вариантов решения этой проблемы – дополнение ст. 305 УК РФ частью третьей, предусматривающей уголовную ответственность за грубую ошибку при отправлении правосудия – преступную небрежность при вынесении приговора, повлекшую тяжкие последствия.

Развивая второе направление, важно отметить, что в уголовном праве прослеживается определенная тенденция к усилению уголовной ответственности в случае преступно-небрежного нарушения именно профессиональных обязанностей.

Между тем, характеризуя уголовно-правовое регулирование профессиональной деятельности применительно к отправлению правосудия, можно отметить некоторое отступление от рассматриваемого принципа. За такие преступления, как укрывательство, недонесение о преступлениях, ответственность профессиональных работников не видна.

Очевидно, что совершение преступления против правосудия лицом, его профессионально осуществляющим, должно влечь повышенную уголовную ответственность.

Расположение элементов предмета доказывания в такой логической последовательности, при которой лишь утвердительный ответ на вопрос о наличии одного элемента делает возможным переход к решению вопроса о наличии другого элемента, а отрицательный ответ на указанный вопрос исключает необходимость дальнейших исследований и рассуждений, позволяет добиться не только четкости и экономии в судебном мышлении, но и создать условия для быстрого обнаружения того логического звена, в котором была допущена ошибка.

Конечно, определение логической последовательности выводов далеко не всегда предопределяет порядок исследования доказательственного материала в суде, поскольку многие средства доказывания содержат сведения сразу о нескольких элементах предмета доказывания.

Однако в ряде случаев и порядок исследования доказательств в суде представляется возможным определить, хотя бы с некоторым приближением, исходя из указанной логической схемы. В этих случаях сначала исследуются доказательства, относящиеся, например, к событию преступления, потом устанавливаются лицо, совершившее преступление, его вина, мотивы и цели и, наконец, производится исследование доказательств, характеризующих личность преступника и влияющих на меру наказания. Порядок исследования доказательств при этом становится более последовательным, целенаправленным.

При соблюдении такого порядка суду должно быть предоставлено право после исследования всех доказательств, относящихся к событию преступления, вынести оправдательный приговор, не переходя к исследованию остальных обстоятельств дела, если событие преступления не установлено и нет возможности собрать дополнительные доказательства при

доследовании. Если же событие преступления имело место, но после исследования следующей группы доказательств не установлено, что деяние совершил обвиняемый, что он действовал виновно, с определенными мотивами и целью, то исключается необходимость исследовать обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, который и без их исследования должен быть судом оправдан.

Кстати, этот порядок исключает возможность пополнять недостающие доказательства виновности сведениями о прошлых судимостях обвиняемого, его поведении на следствии (ложные показания, отсутствие раскаяния и т.д.) и другими данными, отрицательно характеризующими его личность (такие случаи встречаются в судебной практике).

Поэтапный порядок судебного следствия, описанный выше, конечно, потребовал бы внесения и других изменений в процедуру судебного разбирательства, учитывающих интересы обвинения и защиты, однако более подробное рассмотрение этих вопросов выходит за пределы нашей темы.

Идея разделения судебного следствия на два последовательных этапа: 1) доказывание состава преступления; 2) углубленное исследование обстоятельств, характеризующих личность преступника, влияющих на характер и меру наказания, а равно обсуждение вопроса о мерах воспитательного характера, которым должен быть подвергнут осужденный, — была высказана представителями криминологии, развивающими концепцию «новой социальной защиты».

Лидер этого направления Марк Ансель считает, что «изучение личности преступника должно быть составной частью уголовного процесса, который до сих пор сводился лишь к

осуждению деяния».¹¹³

Уголовный процесс в суде, по мнению М. Анселя и ряда других авторов, должен быть разделен на две стадии. Необходимо «установить обстоятельства дела, дать им юридическую квалификацию и вменить преступление исполнителю. Если обвиняемый признан «виновным», то тогда на второй стадии речь должна идти о выборе уголовной санкции, соответствующей данной ситуации и ее индивидуальным особенностям».¹¹⁴

Предлагаемая реформа процедуры судебного разбирательства, на наш взгляд, заслуживает внимания, поскольку она не только усиливает криминологический аспект судопроизводства, но и обеспечивает лучшие процессуальные условия для достижения истины судом при установлении состава преступления, экономя при этом мыслительную работу, время и средства. Разумеется, этот вопрос требует дальнейшего обсуждения и может быть окончательно разрешен на основе специальных исследований, в частности экспериментально-правовых.

Говоря о неправомерном осуждении, укажем различные варианты его исправления:

1) прекращение дела по реабилитирующим основаниям в вышестоящем суде;

2) прекращение вышестоящим судом одного или нескольких из обвинений;

3) отмена обвинительного приговора и прекращение дела следователем (прокурором) по реабилитирующим основаниям;

4) отмена обвинительного приговора и возвращение дела на доследование — прекращение дела в суде по реабилитирующим основаниям;

5) отмена обвинительного приговора и новое судебное

¹¹³ Марк Ансель. Новая социальная защита — М., 1970. — С. 203.

¹¹⁴ Там же. — С. 212.

рассмотрение — оправдательный приговор;

б) отмена обвинительного приговора и возвращение дела на новое судебное рассмотрение — обвинительный приговор.

Вынесение второго вошедшего в законную силу обвинительного приговора не указывает на ошибку, если он постановлен на основе тех же доказательств, что и первый; при этом все обстоятельства дела доказаны.

Необходимо активизировать способность правосудия разрешить в разумные, по возможности, наименее длительные сроки поступившие дела при соблюдении баланса прав личности, а также обеспечение безусловного исполнения принятых судами решений.

Прежде всего речь должна идти о системе защиты свидетелей и потерпевших: такой законопроект рассматривался, но был отклонен.

Ясно, что полная программа защиты потребует значительных средств, однако первоначальные меры можно было бы ввести в действие уже сейчас, предусмотрев в законодательстве возможность, не указывать полностью анкетные данные свидетелей в протоколах допросов, изменив порядок составления списка лиц, подлежащих вызову в суд, который должен вручаться подсудимому вместе с обвинительным заключением, закрепив возможность допроса свидетеля в отсутствие подсудимого при определении строгих и конкретных оснований для такого исключения из правила очного судебного разбирательства, введя порядок опознания лица, при котором опознающий остается вне видимости опознаваемого, и др.

Все это неоднократно обсуждалось на страницах печати и в научной литературе.

Повышение эффективности мер процессуального принужде-

ния связано со многими проблемами. Ничтожные штрафы за неявку в судебное заседание свидетелей сводят на нет все усилия суда по быстрейшему рассмотрению дела и, более того, воспитывают граждан в уверенности, что вызов в суд может быть безнаказанно проигнорирован. Применение же более строгих мер административного законодательства за неуважение к суду настолько громоздко, что не ускоряет процедуру, а лишь усложняет ее. Нельзя требовать от системы больше, чем она может дать в конкретных условиях.

Выхода из ситуации, по крайней мере два.

Первый - увеличение штатов судей, которое позволит уменьшить нагрузку на одного судью до нормальной или хотя бы выносимой, тогда судья сможет действовать в строгом соответствии с законом, тогда у него останется время для того, чтобы этот закон изучить, понять, в чем смысл, дух закона, если неясна его буква, и продумать, как правильно применить его в данной ситуации.

Второй выход - упрощение процедурных правил. И это не новое слово, а мнение многочисленных документов, определяющих направление развития судебного процесса.

За многие годы реализации судебной реформы в этом направлении сделано не мало. К достижениям можно отнести появление права судьи единолично рассматривать дела, введение мирового судопроизводства.

Процедура как гарантия от произвола должна быть ясна, проста, понятна не только специалистам, но и любому достаточно грамотному гражданину. Такая точка зрения является основополагающей для понимания сущности уголовного процесса как деятельности и как совокупности норм. Только такие прозрачные правила будут приняты населением и безусловно со-

блюдаемы прежде всего в силу их естественности, а потом уже под страхом процессуальных и иных санкций. Таким образом, нет необходимости в усложнении процедуры, наоборот, чем она проще и яснее, тем очевиднее станет признаваться обществом и строже соблюдаться.

В то же время нагромождение различных процедур, как, например, сейчас с арестом, ведет лишь к большему воспроизводству нарушений, увеличению времени, необходимого как для соблюдения установленных правил, так и для контроля за их исполнением.

Что же касается проблемы незаконных решений, то это вопрос не судейского статуса, а вопрос обжалования решений. Ни одна из существующих правовых систем не функционирует без судебных ошибок и механизмов их исправления.

Если же решение при пересмотре оставлено в силе, то спора о его незаконности быть не может, поскольку источник недовольства коренится в самом существовании противоположных сторон спора, одна из которых всегда будет не согласна с решением.

Для любого уважающего себя и своих граждан государства особое значение имеет последовательная и достаточно жесткая защита интересов правосудия от преступных посягательств. Статус правоохранительных органов обязывает заботиться всеми законными средствами о поддержании их престижа.

Проблема компенсации ущерба, наносимого преступником – судьей интересам правосудия, ни в коем случае не должна переводиться в плоскость поиска имущественного эквивалента, что имеет место в санкции статьи 305 действующего Уголовного кодекса РФ.

Такой подход способен только поколебать представления граждан о системе ценностей, декларируемых государством в деле реформирования судебной системы в России.

В этой связи не следует забывать и о преемственности в защите интересов правосудия. Сложившиеся на протяжении десятилетий санкции за те или иные преступления, конечно, следует пересматривать с точки зрения их оптимизации, исключения из них неработающих видов наказания, однако резкое повышение или понижение санкций должно носить не конъюнктурный, а концептуальный характер.

Это тем более следует учитывать при создании законодательства в переходный к иной системе социально-экономических отношений период. В ситуации повышенной уязвленности правоохранительной системы задача уголовно-правовой ее защиты со стороны государства состоит в недопущении понижения уровня защищенности по сравнению с достигнутым.

Сравнивая санкции за вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта в УК РСФСР 1960 года, двух проектах УК, подготовленных Министерством юстиции РФ (1992 г.)¹¹⁵ и Министерством юстиции РФ совместно с Государственно-правовым управлением Президента России (1994 г.)¹¹⁶, и действующем УК РФ, можно сделать вывод о неясной позиции законодателя в определении уголовной политики государства в направлении реализации уголовной ответственности судей за вынесение ими заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта. Какой-либо единый подход отсутствует.

¹¹⁵ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации (Проект). - Юридический вестник. - 1992. - № 20.

¹¹⁶ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации (Проект). Общая часть. - М., 1994.

Показательны своей парадоксальностью санкции за такое преступление против правосудия, как принуждение к даче показаний (ст. 309 УК РФ). Если за неквалифицированный состав данного преступления в ранее действующем законодательстве была установлена санкция в виде лишения свободы до 3 лет, то в Проекте УК 1992 г. те же деяния предлагалось наказывать лишением свободы до 5 лет, а в Проекте 1994 г. в большинстве своем обновленный состав разработчиков нового проекта уже предлагал снизить верхний предел санкции до 2 лет лишения свободы.

На сегодняшний день санкция за принуждение к даче показаний предусматривает лишение свободы на срок до трех лет, то есть относит данное преступление к преступлениям средней тяжести.

Еще большие метаморфозы происходят с частью данной статьи, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний, соединенное с применением насилия или с издевательством над личностью допрашиваемого, которое ранее относилось, согласно ст. 7¹ УК РСФСР к тяжким преступлениям.

По классификации преступлений в проектах УК 1992 г. и 1994 г. данное деяние относится уже к категории менее тяжких, причем максимальная санкция за него в Проекте УК 1994 г. по сравнению с УК РСФСР снижена в 2, 5 раза. В действующем сейчас Уголовном кодексе это преступление относится либо к преступлениям средней тяжести (в случае применения насилия не опасного для жизни и здоровья), либо к тяжким (если применяется опасное для жизни и здоровья насилие).

Подобные метания при построении санкций за преступления против правосудия можно минимизировать даже с учетом

того, что теория санкций в науке уголовного права до сих пор не обрела завершенности. В этой связи на наш взгляд, следует согласиться с мнением некоторых юристов, которые полагают, что «на наш взгляд, следует четко обозначить те критерии, которым должна отвечать реакция государства при посягательстве на столь специфический объект уголовно-правовой охраны»¹¹⁷.

К числу таких требований можно отнести следующие:

1. Верхний и нижний пределы санкции следует максимально сблизить, ограничив тем самым усмотрение суда.

2. За одно и то же преступление в альтернативе предусматривать в санкции не более двух рядом стоящих по тяжести видов наказания.

3. В качестве основного наказания в санкции не должно быть штрафа.

4. В тех случаях, когда субъектом преступления является судья, в санкциях должно указываться как дополнительное наказание лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью¹¹⁸.

Опросы населения фиксируют факт убежденности в том, что судебная политика попустительствует преступникам вынесением необоснованно мягких приговоров по отношению к опасным правонарушителям. Такую убежденность нельзя объяснить традиционным риторизмом общественного мнения: для ее формирования имеются объективные основания.

Приведенное мнение разделяют и практические работни-

¹¹⁷ Нечепуренко А.А. Проблема оптимизации санкций за преступления против правосудия // Преступления против правосудия: Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. – Омск, 1996. – С. 34.

¹¹⁸ Данные предложения были изложены в некоторых Проектах УК РФ, в частности в Проекте УК РСФСР 1991 г., подготовленного коллективом авторов Омской высшей школы милиции МВД РСФСР.

ки правоохранительных органов, непосредственно осуществляющие мероприятия по борьбе с наиболее опасными преступными проявлениями. В процессе опросов они указывают на отсутствие судебной перспективы – по сути, прогностической оценки собственных действий по изобличению преступной деятельности виновных.

При этом следует подчеркнуть, что такая оценка складывается не из суммирования собственных профессиональных просчетов, а из того, какова ожидаемая тенденция к доказательным фактам со стороны привычной судебной позиции (с учетом личности и пристрастий лиц, могущих принять участие в судебном заседании). Данный факт нельзя игнорировать, имея в виду конкретность мышления практических работников, их ориентацию (и невозможность – в существующих условиях) работать «не на корзину».

Претензии в адрес судебных органов, касающиеся их неоправданной либеральности (которую принято объяснять корруппированностью или запуганностью соответствующих официальных лиц), не могут быть подтверждены обычными (традиционными) методами исследования, в частности, опросом. В этом случае всегда оправданны и обоснованны контраргументы в виде суждения: «А насколько объективно ваше мнение?»

Поэтому необходимы методы, позволяющие объективизировать критические оценки. К таким методам относится, например, контент-анализ материалов уголовных дел. Логика его такова: создать элементарную метрическую шкалу, позволяющую оценить общественную опасность личности, совершившего ею преступного деяния, и сопоставить полученные данные с реальным размером назначенного наказания.

Методика проведения контент-анализа в рассматриваемом

аспекте изложена в работах В.Л. Чубарева.¹¹⁹ Проведенные нами исследования подтверждают выводы, сделанные указанным автором на основе изучения материалов эмпирического характера: значительная часть судебных решений (приговоров), вынесенных судами по результатам рассмотрения уголовных дел, являются заниженными или завышенными, т.е. несправедливыми с точки зрения определения вида и размера наказания. При этом обращает на себя внимание такое обстоятельство: наказание, как правило, занижается опасным преступникам.

Объективизация результатов судебного рассмотрения уголовных дел позволяет заключить, что на законодательном уровне необходимо отчетливо осознать проблему судебного произвола и стремиться к тому, чтобы максимально ограничить возможности проявления бюрократизма в деятельности судебных органов.

Теоретически в этом плане представляется актуальной реализация двух направлений: отказа от политики использования в широких масштабах относительно определенных санкций (например, «от трех до десяти лет лишения свободы») и компьютеризации процедуры назначения наказания.

Первое из указанных направлений в уголовно-правовой политике требует исследования проблемы уголовно-правовых санкций с точки зрения адекватности общественной опасности преступления законодательным мерам воздействия. Работа в данном отношении ведется, однако необходимы как экстенсификация, так и интенсификация соответствующих научных работ на основе сбора информации по конкретным видам и группам преступлений.

Компьютеризация процедуры назначения наказания не

¹¹⁹ См.: Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказание. – М., 1982.

означает, что задачи вынесения приговоров должны быть возложены на технические устройства: такие задачи в принципе могут решаться только людьми, компьютерная же техника способна оказывать консультативно-информационную помощь, позволяя более глубоко изучать и оценивать ситуацию преступления и личность преступника.

Некоторое упрощение процессуальной формы путем углубления ее дифференциации в зависимости от характера и тяжести преступления началось задолго до реформ 90-х годов.

Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1966 г. был введен упрощенный порядок досудебной подготовки материалов дел о простом, неквалифицированном хулиганстве (ч. 1 ст. 206 УК РСФСР). Этим было положено начало появлению протокольной формы. Несколько позже этот порядок был распространен на досудебную подготовку материалов о мелких хищениях государственного и общественного имущества (ч. 1 ст. 96 УК РСФСР).

Постепенно протокольная форма распространялась на все новые составы преступления, в основном малозначительные и, наконец, по Закону РФ от 29 мая 1992 г. стала охватывать около 60 составов, далеко не всегда отличающихся малозначительностью, – ст. 414 УПК РСФСР.

Суть протокольной формы в том, что расследование и дознание в общепринятой форме по этим делам не производится. Орган дознания, не возбуждая уголовного дела, составляет протокол обстоятельств совершенного преступления, отбирает объяснения у правонарушителя и свидетелей, собирает иные фактические данные и через начальника органа дознания направляет материал с санкцией прокурора в суд.

В суде дело рассматривается по обычной процедуре, не

считая того, что суд и возбуждает дело, и формулирует обвинение.

С момента рождения протокольной формы она подвергалась критике со стороны многих процессуалистов за отказ от привычных процессуальных гарантий, свойственных предварительному следствию, за возложение на суд неприемлемых для правосудия функций по возбуждению дела и предъявлению обвинения. Постановлением Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г., ст. 418 УПК РСФСР в части возложения на суд обязанности возбуждения уголовного дела и формулирования обвинения признана противоречащей Конституции РФ.¹²⁰

Законодатель не устранил этих недостатков процессуальной формы. Напротив, в период реформ начала 90-х годов усугубил их, существенно расширив применение упрощенной формы досудебного производства и одновременно упростил стадию судебного разбирательства, передав эти дела на единоличное рассмотрение судьи.

Можно бы смириться с таким упрощением процессуальной формы, влекущим отказ от многих гарантий прав личности, как мерой вынужденной. Однако упрощение судопроизводства, чреватое нарушениями законности и прав человека, вылилось в устойчивую тенденцию периода судебной реформы.

Ликвидировалась стадия предания суду, служившая, хотя и слабым, но все же фильтром, сдерживавшим необоснованную передачу суду первой инстанции плохо расследованных дел, с явно необоснованными обвинениями и грубыми нарушениями прав участников процесса.

Упразднены распорядительные заседания, ранее проводившиеся в обязательном порядке с участием народных заседа-

¹²⁰ См.: Российская газета. – 1996, 6 декабря.

телей, прокурора с приглашением заинтересованных лиц. Теперь все вопросы судья решает единолично, включая прекращение дела, приостановление производства, возвращение дела для дополнительного расследования, изменение меры пресечения, а затем, как увидим, и единоличное рассмотрение по существу. Открываются широкие возможности для злоупотреблений.

Можно утверждать, что роль народных заседателей в решении этих вопросов была малоэффективной. И все же это было гласное судопроизводство с участием сторон. Теперь этих гарантий объективности и законности нет, и они ничем не заменены.

Продолжением линии на сворачивание процессуальных гарантий явился отказ от принципа коллегиальности судебного разбирательства в суде первой инстанции. Законом РФ от 29 мая 1992 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Гражданско-процессуальный кодекс РСФСР» был установлен единоличный порядок рассмотрения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных перечнем конкретных норм УК РСФСР. Этот перечень содержал 70 статей, охватывающих ориентировочно около 80 составов преступлений.

Кроме того, предусматривалась возможность единоличного рассмотрения дел «с согласия обвиняемого» еще приблизительно по 70 составам преступлений. В первом случае речь шла в основном о малозначительных преступлениях с мерой наказания до одного года лишения свободы или более мягкой. Во втором случае – с наказанием до 3-х лет лишения свободы.

В связи с подготовкой Закона о суде присяжных и мировых судьях началась пропаганда идеи дальнейшего расширения

единоличного порядка рассмотрения уголовных дел с мерой наказания до 5 лет лишения свободы включительно¹²¹. Особую активность в отстаивании этой идеи проявило ГПУ при Президенте РФ, которое готовило проекты ряда законов в русле судебной реформы, именуя возможное поэтапное введение суда присяжных то экспериментом, то альтернативным судопроизводством.

Но ведь введение единоличного судопроизводства по уголовным делам с наказанием до 5 лет лишения свободы означает возможность вынесения одним судьей приговоров по большей части всех уголовных дел.¹²²

Закон о суде присяжных воплотил эту идею: им вводилась новая редакция ст. 35 УПК РСФСР (ранее измененная Законом от 29 мая 1992 г.): «С согласия обвиняемого судья единолично рассматривает также дела о преступлениях, за которые не может быть назначено более строгое наказание, чем лишение свободы сроком на пять лет».

Значит, до 5 лет лишения свободы может определить судья единолично и не больше. Но этот вывод поставлен под сомнение тем же законом, ибо он дополняет статью частями третьей и четвертой следующего содержания:

«В случае, если обвиняемый согласился на рассмотрение его дела коллегией судей, суд назначает разбирательство дела в составе судьи и двух народных заседателей, либо трех профессиональных судей.

Если разбирательство дела было начато судом в составе

¹²¹ См. *Ершов В.* Альтернативное судопроизводство – первые шаги // Советская юстиция. – 1993. – № 2.

¹²² Критика тенденции упрощения процессуальной формы и отказа от принципа коллегиальности остро звучала в докладе «Идеология и реалии судебной-правовой реформы» на конференции НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной Прокуратуры РФ 14 мая 1993 г.

судьи и двух народных заседателей, председательствующий, когда настоящий Кодекс позволяет рассматривать это дело судьей единолично, либо коллегией судей, может выяснить у подсудимых, согласны ли они на соответствующее изменение суда. В случае, если все подсудимые согласились на изменение состава суда, председательствующий продолжает судебное заседание единолично, без участия заседателей, либо объявляет перерыв или откладывает дело и принимает меры к замене народных заседателей профессиональными судьями».

Корректирует ли эта статья часть третью ст. 35 в новой редакции, или она составлена в строгом соответствии с ней. Это не единственная сложность, свидетельствующая о низком уровне юридической техники: нужно не раз проанализировать весьма объемный текст, чтобы уяснить, что профессиональное начало в суде присяжных представлено одним судьей – председательствующим, а альтернативой суду присяжных является коллегия из трех профессиональных судей, но, кажется, возможен и состав традиционный – из судьи и двух народных заседателей.

На втором Всероссийском съезде судей, выступая за расширение случаев единоличного правосудия, был поставлен вопрос о единоличном рассмотрении дел о малозначительных преступлениях, предлагалась компенсация в виде апелляционной проверки их единоличных приговоров.

Законодатель превзошел их ожидания. Теперь даже обвинения в государственных преступлениях, таких, как нарушение национального и расового равноправия, передача иностранным организациям сведений, составляющих служебную тайну, разглашение государственной тайны и т.п. судья может рассмотреть единолично, как и большую часть остальных пре-

ступлений из Особенной части УК Российской Федерации и без всяких компенсаций в виде дополнительных гарантий.

Правда, обвиняемый в определенных случаях может настоять на рассмотрении его дела коллегиально. Но много ли найдется таких отважных, позволяющих себе вступать в конфликт с судьей, которому очень не хочется искать народных заседателей или заменять их двумя дополнительными профессионалами, при том, что в России чуть ли не до трети районных судов имеют в своем составе одного, в лучшем случае – двух судей.

Уже к концу 1995 г. единоличное рассмотрение охватывало до 40% всех поступающих в суды уголовных дел, порождая все новые отступления от привычных процессуальных гарантий.

Эти же тенденции упрощения судопроизводства распространялись и на гражданский процесс. Теперь судья единолично рассматривает все дела с ценой иска до 30 минимальных размеров оплаты труда, многие споры, вытекавшие из семейных и трудовых отношений. В остальных случаях, записано в ст. 6 ГПК Российской Федерации новой редакции, также единоличное рассмотрение дел, если участвующие в деле лица не возражают. Да и как они будут возражать, если судья под предлогом непреодолимых трудностей обеспечения заседателей может устроить такую волокиту, преодоление которой дороже защищаемого интереса.

Какие же гражданские дела теперь рассматриваются коллегиально? Видимо, только те и в тех случаях, когда стороны настаивают на этом. Не внес в этот вопрос достаточной определенности и Закон о суде присяжных, который предложил ч. ч. 1 и 2 ст. 10 Закона о суде присяжных РСФСР изложить следующим образом: «Рассмотрение гражданских и уголовных дел в

судах осуществляется коллегиально и единолично; в суде первой инстанции – с участием присяжных заседателей, народных заседателей либо коллегией из трех профессиональных судей или единолично судьей».

Однако, следует, на наш взгляд, напомнить, что Закон о суде присяжных ориентирован целиком на рассмотрение уголовных дел, а не гражданских. О последних нет упоминания ни в тексте Закона, ни в Постановлении о порядке его введения.

Что же ждет гражданское судопроизводство? И как будет обстоять дело с условиями судебного познания при отправлении правосудия, если правосудие явно утрачивает черты коллегиальной деятельности, взаимно контролируемой судьями-профессионалами и представителями трудовых коллективов и общественных организаций, хотя и именовавшимися народными заседателями, но формально считавшимися полноправными судьями.

Бесконтрольность судьи предполагается дополнить его безответственностью. Под предлогом расширения состязательности делается все, чтобы освободить суд от обязанности участия в доказывании. Он призван лишь наблюдать поединок сторон (по англо-американскому образцу) и объявлять победителя.

Законом от 23 мая 1992 г. введен судебный порядок проверки обоснованности ареста и содержания лиц под стражей органами предварительного следствия. Мера, несомненно, необходимая. Но очень скоро выявились и ее недостатки, которые законодатель не спешит устранять. Постановление судьи об освобождении подсудимого из-под стражи является окончательным, чем бы оно не мотивировалось. Обжалование и опротестование даже явно незаконных постановлений не допус-

кается.

Итак, от коллегиальности, как безусловного принципа правосудия, законодатели отказались. Суд все больше начинает напоминать орган административной юрисдикции, а судья – чиновника, действующего по своему усмотрению.

Возникает вопрос, как сказались эти упрощения процедур на судебной практике. Ведь у судьи появились дополнительные возможности для неспешного и вдумчивого выполнения своих обязанностей, по крайней мере в сфере уголовного судопроизводства, в которой резкого роста числа рассматриваемых дел не наблюдается, несмотря на рост преступности.

Увы, надежды не оправдались. Исследователями отмечается увеличение сроков рассмотрения дел, увеличение числа заключенных в следственных изоляторах, ожидающих очереди на судебные разбирательства, снижение качества приговоров.¹²³

К обсуждаемой проблеме снижения качества правосудия, связанного с упрощением процессуальной формы, имеет отношение и вопрос о границах свободного судебного усмотрения при выборе вида и размера наказания. Этот вопрос имеет и процессуальные, и материально-правовые аспекты.

Выше было показано, что внедрение в судопроизводство единоличной формы отправления правосудия существенно расширило возможности одного лица – судьи – решать судьбу обвинения и обвиняемого. Но и суд присяжных, доводящий коллегиальность до крайних пределов, оставляет на усмотрение одного человека – председательствующего – решение таких вопросов, как квалификация действий подсудимого и определение меры наказания. При том, что суды присяжных рассматривают дела о тяжких преступлениях, одному человеку дано решать,

¹²³ См.: Демидов И.Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе. – М., 1995. – С. 62–64.

применить ли смертную казнь или ограничиться лишением свободы. Причем лишение свободы в своих временных границах имеет тенденцию к расширению, вплоть до пожизненного.

Тяжелое бремя ответственности возлагается на одного человека – профессионального судью. Уместно при этом подумать и об опасностях и соблазнах его подстерегающих.

Материально-правовой аспект этой же проблемы связан с некоторыми идеями реформирования уголовного права. Конкурируют две позиции. Одна из них направлена на сужение свободного судейского усмотрения при определении меры наказания путем введения более определенных санкций, уменьшающих разрыв между нижним и верхним порогом наказания за конкретное преступление. Вторая, напротив, отстаивая безграничную свободу судейского усмотрения, предлагает отказаться от «нижнего порога» санкций.¹²⁴

Идея свободного судейского рассмотрения, несомненно импонирует в контексте создания независимой и полноправной судебной власти. Но в данном случае речь идет о независимости от Закона, а это чревато произволом. Тем более в условиях, когда судейский корпус окончательно не сформирован и в его рядах, по признанию самого судейского сообщества, немало людей случайных, малоквалифицированных, нечистоплотных.

¹²⁴ См.: Дигтярук Л. Не жестокость, а справедливость – основа правосудия // Российская газета. – 1996, 28 марта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение необходимо сформулировать основные выводы проведенного исследования.

1. Установление уголовной ответственности за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта является одним из важных правовых средств развития отечественной судебной системы и независимой судебной власти в целом, так как преступление, совершаемое судьей, оставляет гораздо более серьезный негативный след, нежели преступление, совершаемое обычным человеком.

2. С точки зрения уголовно-правового понимания неправосудности судебного решения выделены следующие ее значимые характеристики: а) существо неправосудности образует несоответствие судебного решения фактическим обстоятельствам юридического конфликта; б) такое несоответствие может иметь место в любой части судебного решения; в) в итоге неправосудность приговора выражается в неправильном применении нормы материального и (или) процессуального права.

3. Наряду с интересами отправления правосудия как основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, в качестве дополнительного непосредственного объекта рассматриваемого преступления необходимо рассматривать интересы соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемые интересы юридических лиц, общества и государства.

4. Состав вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта необходимо расценивать в качестве специальной нормы по отношению к составам

должностных преступлений, а именно – к составу превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

5. Вид неправосудного судебного акта зависит от характера дела, по которому он вынесен. В соответствии с законодательными предписаниями, можно выделить судебные акты, выносимые: по уголовным делам; по гражданским делам; по арбитражным делам; по административным делам; в порядке конституционного правосудия.

6. Основной состав вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта является формальным: если решение принимает один судья, то преступление окончено в момент подписания им заведомо неправосудного судебного акта. В случаях принятия коллегиального решения, вынесение заведомо неправосудного судебного решения окончено, когда под ним поставили подписи все судьи. Вынесение заведомо неправосудного судебного акта представляет собой только действие.

7. Квалифицированный состав исследуемого преступления (ч. 2 ст. 305 УК РФ) носит формально-материальный характер. Сопряженность незаконного приговора с лишением свободы означает, что в нем назначено указанное наказание, вне зависимости от того, отбывалось ли оно незаконно приговоренным или нет. Наступление «иного тяжкого последствия» носит оценочный характер.

8. В случае наступления подобного рода иных тяжких последствий, в законе должна быть однозначно отражена возможность вменения ч. 2 ст. 305 УК РФ при вынесении неправосудного решения по любой категории дел. В связи с этим целесообразно изложить диспозицию ч. 2 ст. 305 УК РФ в следующей редакции: «То же деяние, повлекшее тяжкие последст-

вия, а равно вынесение незаконного приговора суда к лишению свободы, - наказывается...»

9. В работе проведен анализ юридически значимых признаков судьи как специального субъекта изучаемого преступления. В силу прямого указания закона, иные лица, участвующие в отправлении правосудия (например, присяжные, арбитражные заседатели и т.д.) не могут нести ответственность по ст. 305 УК РФ, даже если они и подписывают какое-либо судебное решение. В то же время лицо, исполняющее обязанности судьи является субъектом изучаемого преступления, так как он выносит от лица государства официальные судебные решения.

10. Так как основной состав вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта по конструкции является формальным, то для вменения ч. 1 ст. 305 УК РФ необходимо устанавливать прямой умысел виновного. В то же время нельзя исключать косвенный умысел виновного по отношению к такому квалифицирующему последствию, как наступление иных таких последствий в результате вынесения заведомо неправосудного решения. Мотив и цель квалификационного значения в этом вопросе не имеют.

11. Вне зависимости от вида, судебная ошибка, в результате которой вынесен объективно неправосудный приговор, решение или иной судебный акт, исключает признак заведомости, а, следовательно, исключает возможность наступления уголовной ответственности по ст. 305 УК РФ.

12. Наличие у судьи уголовно-правового иммунитета не декриминализует совершенное им преступление – в частности, вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Наступление уголовной ответственности

судьи за совершенное преступление возможно в следующих случаях: а) при преодолении иммунитета в порядке, установленном федеральным законодательством; б) при аннулировании судейского статуса лица. При привлечении судьи к уголовной ответственности, в любом случае, необходимо учитывать срок давности привлечения к уголовной ответственности, текущий с момента совершения им преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.
2. Федеральный Конституционный Закон РФ «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 года // Собрание Законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
3. Федеральный Конституционный Закон РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 года // Собрание Законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
4. Федеральный Конституционный Закон РФ «О военных судах Российской Федерации» от 23 июня 1999 года // Собрание Законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3170.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года // Собрание Законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954 (в действ. ред.)
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 года // Российская газета. – 2001, 22 декабря.
7. Гражданский процессуальный кодекс РФ 2002 года // Российская газета. – 2002, 20 ноября.
8. Арбитражный процессуальный кодекс РФ 2002 года // Российская газета. – 2002, 24 июля.
9. Кодекс РФ об административных правонарушениях 2001 года // Российская газета. – 2001, 31 декабря.
10. Федеральный Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 года (в действ. ред.) // Собрание Законодательства РФ. – 1995. – № 26. – Ст. 2399.
11. Федеральный Закон РФ «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17 декабря 1998 года // Собрание Законодательства РФ. – 1998. – № 51. – Ст. 6270.
12. Федеральный Закон Российской Федерации «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание

законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 1997. – № 1. – Ст. 2; Российская газета. – 2002, 12 января; Российская газета. – 2003, 18 декабря.

13. Положение о квалификационных коллегиях судей // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 24. – Ст. 856

14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 1996 г. «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша» // Собрание Законодательства РФ. – 1996. – № 14. – Ст. 1549.

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 февраля 1993 года «О некоторых вопросах реализации положений Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в отношении судей военных судов, об их материальном обеспечении и мерах социальной защиты» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 9. – Ст. 331.

16. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебном приговоре» от 29 апреля 1996 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 7.

17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве» от 27 января 1999 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999 – № 3.

18. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» от 30 марта 1990 года // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1990. – № 3.

19. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1993. – № 4.

20. Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – № 1.

21. Архив Верховного Суда РФ за 1998–2002 гг.

22. Архив Ставропольского краевого суда за 1995–2002 г.

23. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1960. - № 40. - Ст. 591.

24. Уголовный кодекс Российской Федерации (Проект). - Юридический вестник. - 1992. - № 20.

25. Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС // Коммунист. - 1988. - № 10.

26. Декрет ВЦИК РСФСР «О революционных трибуналах» от 18 марта 1920 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917-1952 гг. - М., 1953.

КНИГИ И СТАТЬИ

27. Алексеев В., Шишкин Б. Роль процессуальных гарантий в стадиях кассационного и надзорного производства // Советская юстиция. - 1971. - № 22.

28. Анашкин Г.З., Петрухин И.Л. Эффективность правосудия и судебные ошибки // Советское государство и право. - 1968. - № 8.

29. Андреев И.Д. О методах научного познания. - М., 1964..

30. Бабаев В.К., Баранов В.М. Общая теория права. - Н. Новгород, 1998.

31. Бажанов М.И. Уголовно-правовая охрана советского правосудия. - Харьков, 1986.

32. Беляев И.Д. История русского законодательства. - СПб., 1999.

33. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990-1996 гг. - М., 1997.

34. Бойков А.Д. Изучение причин судебных ошибок // Социалистическая законность. - 1968. - № 8.

35. Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. - М., 1968.

36. Голоднюк М.Н. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия// Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 1996. - № 6.

37. Горский Д.П. Логика. - М., 1963.

38. *Дагель П.С.* Учение о личности преступника в советском уголовном праве. – Владивосток, 1970.
39. *Даев В.Г.* Взаимосвязь уголовного права и процесса. – Л., 1982.
40. *Даль В.И.* Толковый словарь Живого великорусского языка. Т. III. – М., 1998.
41. *Демидов И.Ф.* Проблема прав человека в российском уголовном процессе. – М., 1995.
42. *Дигтярук Л.* Не жестокость, а справедливость – основа правосудия // Российская газета. – 1996, 28 марта.
43. *Добровольская Т.Н.* Понятие советского социалистического правосудия // Ученые записки ВЮН. – 1963. – № 16.
44. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983.
45. *Ершов В.* Альтернативное судопроизводство – первые шаги // Советская юстиция. – 1993. – № 2.
46. *Заблоцкий В.Г.* Основания постановления оправдательного приговора // Вопросы борьбы с преступностью. Труды Иркутского государственного университета. Т. 81. Вып. 11. Ч. 4. – Иркутск, 1971.
47. *Здравомыслов А.Г.* Методология и процедура социологических исследований. – М., 1969.
48. *Зеленин С.* Совершенствовать надо не статус судей, а эффективность правосудия // Российская юстиция. – 2002. – № 1.
49. *Иванов В.Н.* Уголовно-правовая охрана прав граждан. – М., 1967.
50. *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. Курс лекций. Ч.3. – Л., 1965.
51. *Кибальник А.Г.* Иммунитеты в уголовном праве. – Ставрополь, 1999.
52. *Кибальник А.* Иммунитет как основание освобождения от уголовной ответственности // Российская юстиция. – 2000. – № 8.
53. *Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г.* Практический курс

уголовного права России. – Ставрополь, 2001.

54. Количественные методы в социологии / Под ред. В.Н. Шубина. – М., 1966.

55. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения. – М., 1956.

56. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М., 1980.

57. Кудрявцев В.Н. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. – М., 1982.

58. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1972.

59. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960.

60. Кузнецов А.В. Уголовное право и личность. М., 1977.

61. Кулешов Ю.Н. Вопросы совершенствования уголовного законодательства об ответственности должностных лиц правоохранительных органов за преступления против социалистического правосудия. – Хабаровск, 1988.

62. Курс российского уголовного права. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2002.

63. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М., 2002.

64. Курс советского уголовного права. В 6-ти томах. Т. 6 / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – М., 1971.

65. Курьлев С.В. О достоверности и вероятности в правосудии // Правоведение. – 1968. – № 1.

66. Лебедев В. Судейская беспристрастность и социальный контроль за судом // Российская юстиция. – 2001. – № 7.

67. Ленин В.И. Полн. собр. соч. ТТ. 35, 36, 44.

68. Марк Ансель. Новая социальная защита. – М., 1970.

69. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.

70. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955.

71. *Нажимов В.П.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. - М., 1989.
72. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. - М., 1996.
73. *Наумов А.* Иммунитет в уголовном праве // Уголовное право. - 1998. - № 2.
74. *Наумов А.* Правовые последствия освобождения виновного от уголовной ответственности // Советская юстиция. - 1976. - № 20.
75. *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. - М., 1960.
76. *Нечепуренко А.А.* Проблема оптимизации санкций за преступления против правосудия // Преступления против правосудия: Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. - Омск, 1996.
77. *Оганесян Р.М.* Оправдательный приговор в советском уголовном процессе. - Ереван, 1972.
78. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Изд. 15. - М., 1984.
79. *Орлов В.С.* Субъект преступления по советскому уголовному праву. - М., 1958.
80. *Орымбаев Р.* Специальный субъект преступления. - Алма-Ата, 1977.
81. *Пашкевич П.Ф.* Объективная истина в уголовном судопроизводстве. - М., 1961.
82. *Петрухин И.Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. - М., 1989.
83. *Петрухин И.Л.* Некоторые вопросы методологии экспертного и судебного познания // Труды ЦНИИСЭ. Вып. 2. - М., 1970.
84. *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. - М., 1961.
85. *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. - М., 1972.

86. *Пороков В.Я.* Установление истины — цель доказывания в советском уголовном процессе // Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. — М., 1973.
87. *Рахулов Р.Д.* Независимость судей в советском уголовном процессе. — М., 1972.
88. *Рашковская Ш.С.* Преступления против правосудия. — М., 1957.
89. *Резник Г.М.* Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе. — М., 1988.
90. *Резник Г.* Оправдание за недоказанностью // Советская юстиция. — 1969. — № 15.
91. *Ривлин А.Л.* Законность, обоснованность, истинность в уголовном судопроизводстве и их взаимосвязь // Правоведение. — 1969. — № 2.
92. *Сахаров А., Носкова Н.* Преступления против правосудия // Социалистическая законность. — 1987. — № 11.
93. *Симиненко А.Н.* Некоторые вопросы квалификации привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности // Материалы теоретического семинара: Преступления против правосудия: Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. — Омск, 1996.
94. *Скворцов Н.* Оправдание за неустановлением события преступления // Советская юстиция. — 1970. — № 10.
95. Советское уголовное право. Часть Особенная / Отв. ред. Н.И. Загородников. — М., 1973.
96. *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. — М.-Л., 1955.
97. *Строгович М.С.* Учение о материальной истине в уголовном процессе. — М.-Л., 1947.
98. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. — Т. 1. — М., 1994.
99. *Тимейко Г.В.* Общее учение об объективной стороне преступления. — Ростов-на-Дону, 1977.

100. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. – М., 2001.
101. Уголовное право России. Часть Особенная / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М., 1999.
102. Уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. – М., 1999.
103. Уемов А.И. Логические ошибки. – М., 1958.
104. Устименко В.В. Специальный субъект преступления. – Харьков, 1989.
105. Федотов А.В. Возможно ли применение *contra legem* в демократическом правовом государстве? // Журнал российского права. – 2002. – № 8.
106. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Т.1. – М., 1957.
107. Черных И.М. Преступления против социалистического правосудия. – М., 1962.
108. Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказание. – М., 1982.
109. Шершеневич Г.Ф. Философия права. Т.1. Общая теория права. – М., 1912-1914.
110. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. В двух томах. – М., 1975.
111. Яковлев В.Ф. На очереди – обеспечение доступности и повышение качества правосудия // Российская юстиция. – 2001. – № 11.
112. Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России. М., 1993.
113. Beck A. Trial of a high court judge for defamation? // Law quartal review. – London, 1987. – Vol. 103.
114. Judicial immunity: Hearing before the Subcommittee on courts and administrative practice of the Commission on the judiciary, US Senate, 101st Congress, 1st session on S. 590. October, 25, 1989. – Washington, 1990.

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

115. *Арсеньев В.Д.* Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе. Автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1967.

116. *Заблоцкий В.Г.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 1971.

117. *Коробейников А.А.* Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003.

118. *Лобанова Л.В.* Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности. Автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2000.

119. *Маликов М.Ф.* Оправдательный приговор в советском уголовном процессе. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 1974.

120. *Оганесян Р.М.* Оправдательный приговор в советском уголовном процессе. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1970.

121. *Резник Г.М.* Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1969.

122. *Сизякин О.Т.* Гносеологическая природа судопроизводства. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Львов, 1971.